

Пролог

...Я слышал, это место у вас нечистое.

Иван Тургенев. Бежин луг

Старенький «Икарус», напрягая мотор, из последних сил преодолевал подъем на крутой холм. В кабине водителя играло радио. Но никто из пассажиров его не слушал. Салон был почти пуст — рейс был дневной, к тому же не столичный, а ясногорский. В июне в разгар сенокоса среди местных жителей ажиотажа на этот рейс не наблюдалось.

— Слышь, пацан, ты там заснул, что ли? Тебе выходить. Сейчас Борщовка как раз будет, только с холма спустимся. Слышь, нет? Уши-то открой, ишь законопатил... Я ведь с тобой разговариваю. Тебя кто в Борщовке встречает? — водитель, поглядывая в зеркало, обращался к сидевшему на переднем сиденье десятилетнему мальчугану, полному и краснощекому — то ли от духоты в салоне, то ли от избытка здоровья.

Мальчик небрежно раскинулся на сиденье, облокотясь на плотно набитый рюкзак, и с упоением слушал плеер через наушники, то и дело в такт гремящему техно толкая бок рюкзака маленьким пухлым кулачком. Он ехал один, без взрослых. В Ясногорске на автовокзале его посадил в автобус старший брат, попросивший водителя довезти мальчика до остановки Борщовка.

— На деревню к дедушке, что ли, едешь-то? На каникулы? — поинтересовался, приглушая радио, водитель.

— К бабуле, — мальчик тоже выключил свой плеер, снял наушники и тут же приклеился к окну. — Ух ты, видали, какой крутой! — он проводил восхищенным взглядом промчавшийся навстречу «Икарусу» черный пыльный «БМВ». — Щас как даст в разгончик сто сорок...

— Значит, бабуля тебя в Борщовке встречает? — спросил водитель.

— Ну!

— Баранки гну, ты как со старшими, шкет, разговариваешь?

— Нормально, а что вы все ко мне пристаете?

— Как это что? Сейчас остановка через пару минут. Не могу же я тебя одного посреди дороги бросить? До твоей Борщовки от шоссе еще добрых километра два топать.

— А нам не в саму Борщовку, дяденька, — мальчуган потянул за лямки рюкзака. — Нам с бабулей в Татарское надо. Только ведь автобусы туда все равно не ходят.

Водитель только головой покачал: ишь ты какой осведомленный. Дорога пошла под уклон. Внизу в долине, окруженной со всех сторон холмами, раскинулись поля, разделенные островами хвойного леса. Над ржаным полем, уходившим направо от шоссе широким желтым полотном к самому горизонту, низко кружили черные птицы.

Мальчик, занятый своим рюкзаком и плеером, увидел их в окно автобуса. Но не обратил никакого внимания. Водитель тоже заметил птиц.

— Воронья-то, воронья... Откуда только взялось. Прямо туча... — пробормотал он.

«Икарус» проехал ржаное поле, шоссе штопором ввинтилось в сумрачный, пышущий полуденным жаром и смолистой хвоей бор. И водитель тут же позабыл про кружившую в небе воронью стаю.

— Борщовка. Следующая остановка Глубокое, — объявил он своим немногочисленным пассажирам. Никто, кроме мальчика, в Борщовке не выходил. Пассажиры дремали. Закинув на спину рюкзак, мальчуган бойко выпрыгнул из автобуса. Водитель наблюдал за ним в зеркало, медля закрывать двери автобуса. Что-то словно удерживало его, не позволяя уезжать, оставляя ребенка одного. Маленькая детская фигурка на пустынной дороге...

Водитель вытер со лба капли пота — ну и жара. И это только первый месяц лета. Что же будет в августе? Он снова заглянул в боковое зеркало и увидел теперь рядом с мальчиком пожилую женщину в мешковатом летнем платье из тем-

ного ситца в белый горошек и линиялой панаме. Бабушка и внук обнимались, явно радуясь встрече. Водитель закрыл двери. Все в порядке. Теперь можно ехать дальше.

Он видел их обоих в зеркало. Они шли рядом — пожилая женщина и ребенок, — оживленно разговаривали, смеялись, жестикулировали. Но их голоса заглушал гул мотора. А проселочная дорога к Татарскому уходила от шоссе в поля. Через четверть часа автобус прибыл на конечную остановку в Славянолужское. И больше они никогда не встречались. Водитель «Икаруса» так и не узнал, что мальчика звали Денис, а пожилая женщина была местная учительница Вера Тихоновна Брусникина.

Было ровно час пополудни, а они не прошли до Татарского еще и половины пути.

— Дениска, подожди. Не беги так быстро. Я за тобой не поспеваю... И рюкзак дай-ка мне. — Вера Тихоновна протянула руку, тщетно пытаясь удержать расшалившегося внука подле себя.

— Я сам, он не тяжелый. Ба, зверски пить хочется!

— Терпи до дома. Скоро уже придем. Там обедать будем. Чай пить с вареньем... Я ведь тебя с раннего утра сегодня жду. Крыжовника набрала целое блюдо. Только он зеленый еще. Не поспел. Да ты, помнится, такой как раз больше любишь, кисленький... — Вера Тихоновна от жары и быстрой ходьбы тяжело дышала. — После обеда поспишь, и на речку пойдем купаться.

— Ба, а велик мой цел?

— Цел твой велик, я соседского сынка Генку Бочарова вчера позвала смазать его да шины подкачать. Да не убегай ты от меня далеко, стой!

— Это хлеб так растет, да? — Денис показал на подступавшие к дороге колосья.

— Это рожь. Зреет. Зернышки видишь какие у нее, наливаются. А ты все уже забыл? Помнишь, я тебя учила злаки различать? Овес, гречиху, пшеницу.

— У меня по ботанике во всех четвертях тройбан.

— А тут нечем хвастаться, милый мой.

— А я и не хвастаюсь. — Денис вздохнул. — Просто говорю... Ой, у меня майка совсем взмокла!

— Сильно вспотел? Давай передохнем, постоим, — Вера Тихоновна остановилась, сняла со спины внука рюкзак и поставила его на землю. Огляделась.

Кругом не было ни души. Пыльная лента проселочной дороги петляла в высокой ржи. Вдали темнела полоса Лигушина леса. На фоне желтого поля и бледно-голубого солнечного неба деревья казались темными, словно на густую зелень легла чья-то гигантская тень. За Лигушиным лесом катила свои ленивые теплые воды речка Славянка. Но отсюда, с проселка, ее не было видно. Зато с реки повеяло свежим ветром — по полю, словно по морю, плыли золотистые волны. Сонную полуденную тишину не нарушал ни один звук. Только басовито жужжали мухи — так, словно где-то во ржи собрался их целый рой. Что-то манило их, привлекая все новых и новых...

Солнце слепило Денису глаза. Он приложил руку козырьком ко лбу. Поле было похоже на желтое огромное одеяло. И видимо-невидимо высоких гибких колосьев с колкими усиками и зернами, которые до срока — пальцы заболят — никак не выковырнешь. Вдали среди мерно колышущихся под легким ветром ржаных волн медленно двигалось что-то. Появилось и снова пропало. И вновь возникло. Что-то темное, странно выделяющееся на фоне безмятежного желто-голубого пейзажа.

Денис напряг зрение, стараясь рассмотреть, что же это такое, но солнце било прямо в глаза. А то, что было вдали или, возможно, лишь казалось там, среди волнующихся под ветром колосьев, снова исчезло. А потом опять появилось. И вроде стало приближаться к дороге.

— Бабуля, а что там? Во-он там. — Денис, чувствуя какое-то непривычное смутное беспокойство, обернулся, показывая вдаль.

— Где?

— Там, в хлебе... Там что, кто-то прячется?

— Кто там может прятаться? — Вера Тихоновна из-под ладони тоже пристально смотрела на волнующуюся рожь. Но из-за солнца ничего толком разглядеть не удавалось. Да и глаза уже были не те...

— Ты что там видел? — спросила она внука.

— Не знаю. Я... — Денис смотрел на нее. — Ба, ты что?

— Давай-ка рюкзак, дай мне руку, пойдем.

— Но мы же хотели отдохнуть.

— Уже отдохнули. Пойдем скорее. — Вера Тихоновна, крепко взяв внука за руку, быстро зашагала по дороге.

Колосья тихо шуршали под ветром. Солнце пекло. Гудели мухи...

— Идем быстрее, — Вера Тихоновна, часто тревожно оглядываясь через плечо, тащила мальчика за собой. — Сейчас уже ферма будет, а там и до дома рукой подать. И не прятался там никто во ржи, что ты... Это просто тень от столба... никого там не было... Никто нас с тобой не догонит...

Они уходили быстро, и голоса их постепенно стихали. И вот уже совсем стихли за поворотом. Над полем снова повисла душная давящая тишина. Высокая рожь стеной подступала к дороге. И эта желтая стена казалась такой плотной, такой непроницаемой.

А в глубине поля рожь на небольшом пятачке была смята, местами даже вырвана с корнем. Изломанные, изуродованные колосья покрывали темно-бурые пятна, запекшиеся на солнце. На земле была лужа, а возле нее валялось то, что привлекало и мух, и ворон, которые стаей кружили в знойном полуденном небе.

Глава 1

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Год и семь дней спустя

Когда мечты сбываются, это не всегда конец истории, а порой только ее начало. Потому что счастье все так же призрачно и недостижимо. И нет никакого покоя в вашем бедном сердце — одна лишь тревога, лихорадочное ожидание, надежда на чудо, хотя... Какие чудеса могут быть впереди, когда ваше самое заветное, самое жгучее желание уже исполнилось?

Полина Чибисова в свои двадцать лет страстно желала выйти замуж. Сколько раз грезилась ей блистательные атрибуты хрустальной мечты — обручальные кольца, белые розы, накрытые свадебные столы, ослепительное платье, купленное в Москве в модном салоне на Тверской, торжественное венчание в церкви после загса. В той самой церкви — заново отреставрированной и расписанной, куда ее отец Михаил Петрович Чибисов в прошлом году пожертвовал колокола. Черный парадный лимузин с белыми сиденьями, примчавшийся прямо из голливудского фильма, и поцелуй под оглушительное «горько!» гостей.

— Горько!

Мечта сбылась. Это кричали ей, Полине. Она была невестой на собственной свадьбе, а рядом с нею был ее жених, а теперь, после загса и венчания, наверное, законный муж Артем Хвошев. Он положил руку на ее плечо, улыбнулся радостно и тревожно одними глазами:

— Ну что? Как, а?

И Полина послушно поднялась. Артем был рядом, совсем близко. Она читала по его лицу — он горд уже тем, что они стоят вот так, на виду у всех, что он обнимает ее и...

— Горько! Горько, ребята, дорогие наши, горько!

Полина закрыла глаза, чувствуя губы Артема на своих губах. Свадебный поцелуй. Соль вашей заветной мечты.

Соль...

— Ты что, Поинка? Ты плачешь, что ли? — Артем не отпускал ее, заглядывая в лицо. — Как ребенок... Или я не так что-то сделал?

— Нет, нет, ничего, это просто... вдруг что-то накатило на меня. Все хорошо, Артем. Все просто отлично. Отпусти, я... зеркальце достану...

— Смутилась? Сму-у-тилась моя дочура, красавица моя зарумянилась, как роза. Тут свадьба твоя, доченька. А мы тебя все любим. Счастья все тебе желаем. Большого, крепкого счастья тебе и Артему...

Полина сквозь гул оживленных голосов гостей слышала голос отца. Отец был уже сильно навеселе. Но Полина знала: и пьяный и трезвый он любит ее больше всего на свете. И так будет всегда. Она села на свое место. Надо же, какими длинными, просто бесконечными бывают, оказывается, эти свадебные торжества. Банкет устроили на открытом воздухе. Столы под парусиновыми тентами по желанию Михаила Петровича накрыли на высоком живописном берегу Славянки. Официантов и поваров отец пригласил из Москвы, из ресторана на Арбате. Дизайнер-декоратор и флорист были тоже из Москвы. Все это стоило немалых денег, но отец и свекор денег на свадьбу не пожалели.

Полина знала, что ее брак с Артемом Хвошевым был давней и тоже заветной мечтой ее отца Михаила Петровича. Артем был единственным сыном старого друга Михаила Петровича Антона Анатольевича Хвошева, которого Полина с самого детства называла не иначе как дядей Тошей.

Самого свекра за свадебным столом не было. Антон Анатольевич Хвошев вот уже четвертый месяц лежал в больнице. Полина и Артем звонили ему в его персональную палату по мобильному телефону прямо из загса. Он поздравил их, пожелал счастья. Но голос его был таким слабым и таким отрешенным, что сердце Полины тревожно сжалось. Он любил дядю Тошу и очень боялась, что он умрет.

Артема она тоже знала с раннего детства. Они дружили. И в пятнадцать-шестнадцать лет Полине казалось, что

Артем — единственный, с кем ей всегда весело и легко, с кем можно и поспорить, и посмеяться, и потрепаться всласть, и посплетничать о том, о сем. И вдруг все изменилось в одночасье.

Полина разглядывала гостей. Возле нее стоял официант, подливал в их с Артемом бокалы шампанское. Полина желала только одного: чтобы этот официант колдовал над их бокалами и тарелками как можно дольше — он загоразживал ее от всех, и из-за его накрахмаленного плеча, точно из укрытия, не выдавая себя ни вздохом, ни намеком, можно было неотрывно смотреть на...

Полина почувствовала, как непрошенные предательские слезы снова наворачиваются на глаза. *Он* был так далеко! А ведь должен был сидеть здесь, рядом, на месте Артема. *Он* пил шампанское, шутил, ел, смеялся. Веселился на ее свадьбе, вел себя как ни в чем не бывало и был всего лишь гостем, а не главным виновником торжества.

Рядом с ним сидел его друг и приятель Константин Туманов — как всегда спокойный и невозмутимый. И Галина Островская тоже была — глушила шампанское фужер за фужером, кривлялась, точно ожившая мумия, сыпала парадоксами, стреляла глазами, флиртовала. Полина из-за плеча официанта с болью в сердце следила, как она наклоняется к *нему*, что-то шепчет ему на ухо, призывно залиvisto ржет, запрокидываясь назад, как норовистая лошадь... Как она смеет дотрагиваться до *него*! Старая мымра, алкоголичка...

— Саша, Сашенька дорогой, тебе слово, пожелай что-нибудь молодым!

Полина услышала голос отца и почувствовала, как вся кровь ее прихлынула к щекам и сердцу. Отец громогласно, через весь стол обращался к *нему*. Полина опустила глаза, сосредоточив все свое внимание на пышном букете белых пионов, подобранных столичным флористом с редким вкусом. Пионы испускали тонкий сладкий аромат. Полина смотрела только на цветы. Не на *него*. И не на сидевшего рядом Артема.

— Полина и Артем, поздравляю вас от всего сердца. Желаю вам счастья. Любите друг друга. Будьте друг другу опорой и радостью в жизни. И детей вам желаю много-много, таких же красивых, как вы...

Он говорил это торжественно, с чувством — так всегда ораторствуют на чужих свадьбах, провозглашая тосты и здравницы после коньяка и шампанского. Полина упрямо разглядывала махровые чаши пионов в букете. Протянула руку, коснулась. Так робко и так нежно она однажды коснулась и его лица...

— Горько!

Это крикнул не *он*. К счастью, не *он*. Не то, наверное... сердце — так почудилось Полине — лопнуло бы, как воздушный шарик, улетевший слишком высоко под облака. «Горько!» — во всю силу своих молодых тренированных спортом легких крикнул Костя Туманов. У него был красивый низкий мужественный голос. Таким только команды отдавать на поле боя...

Артем поднял ее: Полина почувствовала его нетерпение. И на этот раз послушно ответила мужу на поцелуй. Все равно ведь. И назло.

Со свадебного застолья открывался великолепный вид на реку, заливные луга, дальний лес. Над лесом небо уже розовело вечерним закатом.

— С фейерверком тянуть не будем, а то к ночи вроде дождь обещали с грозой. — Полина точно во сне слышала возбужденный голос отца. — Уважаемые гости, дамы и господа. Товарищи! Друзья! Через несколько минут — сюрприз! Это еще не свадебный торт — торт впереди. И молодые пока еще нас не покидают, ха-ха!

Полина слышала, как отец со смехом объясняет гостям, что свадьба вполне современная, продвинутая, что называется. Брачную ночь молодые проведут одни и в дороге. Как там у Чехова? «В Москву, в Москву!» Ну конечно, куда же еще в такой момент жизни? А там ровно в шесть утра аэропорт Шереметьево, рейс на Малагу, и через какие-то три с небольшим часа — пожалуйста, Средиземное море, полная идиллия на лоне испанского побережья плюс отличный отель, где уже забронирован через надежное тур-агентство номер с видом на лазурную водную гладь.

— Хотел своего шофера с ними послать, так зятек не желает. Самостоятельный попался. — Полина слышала, как отец добродушно подсмеивается над Артемом. — И то верно,

третий в такую ночь — лишний. Это точно. Ничего, сами доедут. Машина у Артема хорошая, хоть и не новая. Оставят на платной стоянке в аэропорту, а кто-нибудь из моих утром приедет, назад перегонит. Верно я рассуждаю, Артем?

— Верно, дядя Миша, — Артем, отвечая тестю, заглянул Полине в глаза, словно спрашивая: так?

— Полинку мою, смотри, береги, парень. Ничего дорожке ее у меня нет и не было. Кроме вас двоих, никого у меня нет, ребята...

Полина почувствовала, как Артем крепко, почти до боли сжал ей руку. Она знала: он сильно волнуется, переживает и ждет. В сущности, в свои двадцать три года он еще мальчишка. Пусть и воображает, порой даже хвастается своими победами среди однокурсниц, а когда доходит до главного — смущается. Целуется неумело и жадно, и так, словно она, Полина, крепкий коктейль, который пьют не через соломинку, а опрокидывают в себя залпом, в один присест.

— Пойдем-ка танцевать, муж, — сказала она Артему. Он засмеялся и поцеловал ее — метил, конечно, в губы, но почему-то попал в ухо.

В вечернее небо с треском и шипением взлетали одна за другой серебристые ракеты, громко взрывались петарды. На лугу играл приглашенный из Москвы оркестр, подвыпившие шумные гости танцевали среди огней праздничной иллюминации. В пестрой толпе танцующих Полина все время искала глазами *его*. Но *он* не танцевал. Сидел за столом с другом Тумановым и Островской. Та, как отметила Полина, была уже почти совсем пьяная: что-то громко декламировала — какие-то стихи, бурно жестикулировала жилистыми загорелыми руками, на которых словно кандалы звякали чеканные металлические браслеты.

А потом Полина увидела, как к *нему* томно и хищно подкралась рыжая Лиз — личный секретарь отца. Улыбнулась, вильнула бедрами, повела точеными хрупкими плечами, демонстрируя декольте, и властно увлекла *его* за собой в толпу танцевать. Она была весела от шампанского и очень изящна и пластична в танце. Глаза ее сияли, манили, обещали все на свете — возможное и невозможное. Она вообще была очень яркой — эта рыжая Лиз. И все мужчины, даже отец, смотре-

ли на нее так, словно она была уже раздета и ждала их в постели.

— Скоро мы поедem? — спросила Полина Артема.

— Ровно в полночь. Как в сказке — с бала на корабль, — он обнимал ее, крепко прижимая к себе, но танцевал скованно. — Я сам жду не дожусь... И мне все не верится даже, честное слово...

— Что не верится? — Полина смотрела в его лицо, стараясь найти в нем хоть черточку от того, другого, бесконечно дорогого и любимого лица.

— Ну, что ты — вот, и ты моя жена, — Артем покачал головой. — Надо же... И это так классно, что через какой-то час-два мы уедем. Отец отлично все устроил с этим туром в Испанию. Ты что опять, Полин, что с тобой?

— Я все время думаю, как он там? Твой отец?

Лицо Артема сразу словно погасло. Когда речь заходила о том проклятом несчастье и нынешней болезни и беспомощности его отца, Антона Анатольевича Хвощева, он замыкался в себе.

— Как только вернемся из Испании, сразу же поедem к нему в больницу, — решительно сказала Полина. — Я бы сегодня поехала, прямо сейчас.

— Нет, нет, я не хочу, — Артем, словно испугался чего-то. — Только не сегодня...

— Артем, ты позволишь пригласить твою жену?

Полина судорожно прижалась к мужу — ноги ее вдруг стали как ватные. Рядом с ними был *он*. *Он* обращался к Артему.

— Александр Андреевич, конечно, — Артем заулыбался, однако улыбка его была немного фальшивой. Он отстранился от Полины. — Спасибо, что пришли к нам сегодня.

Полина выпрямилась. Александр был выше Артема на целую голову. И гораздо шире в плечах, крупнее, сильнее. Он был старше. У нее с ним была разница почти в пятнадцать лет. Однажды он сказал ей, что это очень, очень много — половина сознательной жизни. И почти вся юность. А она тогда не понимала, как он может ей вот так спокойно говорить это. Ведь в свои двадцать лет она днем и ночью страстно, болезненно мечтала о браке именно с ним, с этим человеком.

И формально, во всех мелочах, от обручальных колец до венчания под звон колоколов, мечта ее полностью сбылась. Только вот не он стал ее мужем. Он ее не взял за себя. Не захотел.

— Александр, извините, — Полина собрала все свои силы, всю себя крепко, очень крепко в горсть, в кулак, — но сегодня я танцую только с Артемом.

Она видела, как он шутливо улыбнулся, развел руками — что ж, ничего не попишешь. Артем, гордый до невозможности, приподнял ее, закружил. В небе с треском и шипением распустился новый огненный цветок кустарного китайского фейерверка. И ему нехотя и ворчливо ответил с юга далекий громовой раскат.

— Ночью будет гроза! — объявил кто-то из гостей громко и весело. — Дамы, признайтесь честно, кто купался в речке ночью в грозу? Что, никто не купался? Это ж чистейший кайф, дамы, милые... Ни с каким джакузи и сравнить нельзя. Суперэкстрим!

Как водится, в назначенный час они не уехали. Пока прощались с гостями, выслушивая пожелания, напутствия, игривые советы, пока пили шампанское «на посошок», целовались, обнимались — время приблизилось к половине второго. Наконец сборки-проводы были закончены. Невесту усадили в машину, жених сел за руль и...

— Папочка, мы тебе из аэропорта позвоним! — пылко пообещала Полина отцу.

— Михаил Петрович, не волнуйтесь за нас! — крикнул Артем, нажал на газ, и его юркий внедорожник «Судзуки» сорвался с места — на свободу, в большую, абсолютно взрослую супружескую жизнь.

Вскоре огни иллюминации, столы под тентами, джаз на лужайке остались далеко позади. Ночь окутала дорогу. Здесь не было фонарей, а звезды скрыли затянувшие небо облака.

— Точно, ливень будет, — сказал Артем. — Гроза с юга идет. От наших-то еле отвязались, а? Полиныч, ну что ты все в окно да в окно? Я ведь не там, я здесь... Регистрация у нас на рейс во сколько, с пяти?

— Да, — Полина расправила на коленях складки подвечного платья, думая о том, где удобнее его снять — здесь, на ночной дороге, или в туалете аэропорта?

— Ну! А сейчас только два часа. Доберемся до Москвы тоже за два, остается еще уйма времени.

— Для чего? — спросила Полина.

Артем засмеялся, резко нажал на тормоз, обнял ее, пригнув к себе, целуя ее волосы, шею, губы.

— Я до Испании вашей не дотерплю, умру, — шептал он ей на ухо. — Съедем с дороги, а?

Он лихорадочно крутил руль. Старенький «Судзуки», как лягушенция, прыгал по кочкам и колдобинам пыльного проселка — развернулся, рыча мотором, и начал углубляться от шоссе в поля. Полине, оглянувшейся назад, померещилось, что вдалеке тускло сверкнули фары чьей-то машины. Но дорога вильнула вбок, и стена высокой ржи заслонила все, кроме темного небесного купола над головой.

— Я всегда хотел, чтобы у нас с тобой первый раз было вот так, — жарко шептал Артем. — Не где-то на хате съемной, не в гостинице, не дома, а вот так, круто, когда кругом только голый космос, Вселенная и мы вдвоем...

Он дернул рычаг, опуская сиденье. Полина молчала. Это должно было случиться, раз он стал ее мужем. Так не все ли равно, когда это произойдет — сейчас в поле среди ветра, мрака и ржи или в аккуратном номере чужого отеля? Артем опустил стекла — ночь окутала их прохладой и тишиной, словно сотканной из миллиона таинственных шорохов и звуков. Полина слышала стрекот цикад, шелест листвы. Она чувствовала, как ночь и тишина обволакивают их, как нежная крепкая паутина, соединяя, сплетая...

Артем, путаясь в застежках, уже освобождал ее от подвенечного платья. Он сбросил пиджак. Расстегнул рывком рубашку, и она сейчас была похожа на белый парус или флаг...

Полина протянула руки и медленно высвободила из-под этого паруса торс мужа. Артем был худощавый, тело его было по-мальчишески угловатым и хрупким. Артем приник губами к ее губам. Полина обняла его и...

— Что это? — она вздрогнула. — Ты слышал? Ты это слышал? — Она напряженно вглядывалась в темноту, окружавшую их машину.

— Здесь никого нет. Все спят, мы одни, — Артем пытался удержать ее. — Это, наверное, ветер или, может, птица... Ты

сама мне говорила, что на старой колокольне гнездятся совы. Мы одни, никого, кроме нас, на свете нет... И я тебя люблю...

Полина почувствовала, что не может более сдерживать его и сдерживаться сама. Зачем сопротивляться, терзаться, жалеть. Она уже вышла замуж, мечта сбылась. Артем ее муж. Так вышло. Наверное, это судьба. Тело Артема оказалось, несмотря на всю его худощавость, тяжелым. Он так старался, так ласкал ее, но глаза Полины не видели ничего, кроме темноты.

И вдруг... Все произошло в какое-то мгновение — раздался оглушительный грохот, скрежет металла и звон разбитого вдребезги лобового стекла, по которому что-то ударило мощно и страшно. Сверкнула молния, и совсем близко, почти над самой головой Полины, ахнул раскат грома. И в его грохоте потонул дикий животный вопль боли. Полина с ужасом поняла, что это кричит Артем, и одновременно почувствовала, как что-то горячее и липкое заливает ей голую грудь и лицо. Артема могучим рывком сорвало с нее и выбросило вон из машины. Он истошно кричал. И вдруг его крик оборвался. Полина сжалась в комок, боясь пошевелиться. Сама мысль о том, чтобы приподняться и посмотреть, что там происходит с Артемом в этой непроницаемой тьме, была нестерпима, невозможна, ужасна. Первые капли дождя гулко забарабанили по крыше машины, заливая через выбитое лобовое стекло салон. Полина не могла даже кричать, звать на помощь — горло ее точно натуго захлестнула петля. А потом она услышала, как к шуму дождя примешиваются какие-то странные звуки — и они приближались. Мрак сгустился, принимая очертания еще более темной, плотной, осязаемой тени. Что-то через выбитое лобовое стекло заглянуло в салон, и Полина, дико вскрикнув от ужаса, потеряла сознание.

Глава 2

СОН

Сильный порыв ветра поднял красные лепестки, закружил, завертел, и в руках у Кати осталась маковая лысая головка. Когда вы обрываете лепестки мака, ваши пальцы становятся липкими от его млечного сока.

А маков кругом видимо-невидимо... То там, то тут среди высоких желтых колосьев мелькнет алое пятно — красное на желтом до самого горизонта.

Катя наклоняется и срывает новый цветок. Она ходит по полю и собирает маки. Она видит себя словно со стороны — так отчетливо, ясно. Видит и свою тень — она движется по земле, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и внезапно соприкасается с чужой тенью.

Катя стремительно оборачивается, и... никого рядом. Только ветер кружит маковые лепестки, превращаясь в маленький тугой смерч. Катя смотрит себе под ноги — вот ее тень. А вот, совсем рядом, чья-то другая. И эта чужая тень, извиваясь, стелясь по земле, медленно подползает и вдруг резким рывком выбрасывает вперед цепкую хищную руку со скрюченными пальцами и...

Сердце Кати вот-вот выскочит из груди. Она бежит, не разбирая дороги, не глядя под ноги, бежит сломя голову из последних сил. Ноги путаются в желтых сухих стеблях, что-то больно бьет по лицу — резкий колючий ветер или тугие колосья. Задыхаясь, Катя останавливается. Кругом царит мертвая тишина. Катя оглядывается: стена желтых спутанных стеблей окружает ее со всех сторон. Ничего не видно, кроме клочка белесого знойного неба над головой. Вдруг тишину нарушает шорох, словно кто-то невидимый, но близкий медленно и упорно прокладывает себе в этих зарослях дорогу, преследуя, не отставая ни на шаг.

Катя видит, как колышутся сухие метелки травы. Что-то движется к ней оттуда, из зарослей. Она пятится, спотыкается, вскрикивает, падает и... просыпается.

В комнате серый утренний сумрак. Подушка съехала, простыня сбилась. А рядом (слава богу!) само воплощение критического материализма — муж Вадим Кравченко, чаще именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.» — полуразбуженный, полусонный.

— Шер ами? Это опять вы? — Он приподнимает с подушки взлохмаченную голову. — А сколько... сколько же сейчас времени?

Катя не отвечает: сон все еще не отпускает ее. Сердце колотится.

— Полседьмого?! Ах да, — Кравченко смотрит на часы, зевает. — Ох, маманя моя, вставать пора, опять на работу... Катя, да что с тобой?

— Сон приснился, — Катя отворачивается, прячась в подушку, как в норку, — мерзкий.

— Про что? — осведомляется Кравченко. — Если про покойников, то уже в руку, к перемене погоды. Ночью такая грозища была. Я в четыре вставал, балкон закрывал, чтобы нас не залило.

— А я не слышала грозы.

— Конечно, не слышала, ты, солнце мое, спала — из пушки не разбудишь.

Катя только вздыхает, прижимается к нему — все-то он выдумывает, драгоценный. Вчера они легли поздно, а уснули еще позже. Вчера было воскресенье. Они провели его за городом, у отца Кравченко на даче. Купались, загорали на пруду. Вечером жарили шашлыки в саду под старыми липами. В саду возвышался древний турник, висел старый гамак и круглилась выпуклая клумба, а на ней заглушенные травой многолетники — «разбитое сердце» и пунцовые турецкие гвоздики. И еще огромные маки, которые выросли сами собой из семян, взявшихся неизвестно откуда. «Драгоценный В.А.» уверял, что это не кто иной, как он закопал весной на клумбе маковую сушку, и вот она бурно взошла и зацвела назло всем указам против наркоты.

Маки могли перекочевать в кошмар с дачной клумбы. А вот поле... На даче не было полей: только лес да пруд, выплеснутый за выходные купальщиками из своих топких травяных берегов.

Кравченко полежал, повздыхал, поохал, потом, расчувствовавшись, чмокнул Катю в плечо и, наконец, оторвал себя от кровати. Через минуту он уже громыхал в лоджии гантелями и компактной штангой — самым последним своим увлечением в нелегком деле бодибилдинга. Прошное увлечение — складной силовой тренажер — пылилось в кладовке.

— Где моя майка? — крикнул Вадим с лоджии.

— Там, — ответила Катя, закрывая глаза, чувствуя сон и усталость во всем теле. «Я же так быстро бежала, за мной гнались...»

Она вздрогнула, проснулась во второй раз и села на постели. Все чувшь. Дурацкие сны.

— А я, между прочим, есть хочу! — оповестил Вадим. После душа он растирался суровым полотенцем, полируя льном свое сильное тело. — Только твои овсяные хлопья я все равно есть не буду.

«Надо вставать, — подумала Катя. — Сегодня опять понедельник. И уже почти середина лета». Кравченко раздвинул шторы, но в комнате светлее не стало. За окном было серо и пасмурно.

— Удивительно, но я правда не слышала грозы, — сказала Катя за завтраком.

— А по-моему, ничего удивительного в этом нет, — Кравченко самодовольно усмехнулся.

Катя погрозила ему пальцем — но-но! Без этого. Вчера и так легли поздно. После купания, шашлыков и бутылки «Твиши» у драгоценного буйно взыграл темперамент. Ночью было все очень хорошо. Можно было даже сказать, что Катя заснула вполне счастливой. Так отчего же под утро ей приснился этот странный кошмар?

— Ну? И чем сегодня займешься? Снова спасением мира от глобальной катастрофы? — спросил Кравченко, принимая из заботливых рук жены уже пятый бутерброд.

— У нас брифинг сегодня в одиннадцать по итогам. — Катя чувствовала, что уже твердо стоит обеими ногами в повседневной реальности. — А ты подбросишь меня до Никитского?

— До Тверской, — уточнил Кравченко, залпом допивая кофе. — А там ножками, ножками, мой зайчик. На каблучках.

Если вы работаете в милиции, но не являетесь при этом ни следователем, ни опером, ни участковым, значит, ваше место в пресс-службе. А пресс-служба весьма занятное явление в органах внутренних дел как по своему содержанию, так и по форме. В этом искренне была убеждена Катя — капитан милиции Петровская, в замужестве Кравченко (фамилия двойная, пишется через дефис на манер старинных дореволюционных Барыгиных-Амурских и Ордынских-Свиньиных) — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области.

Но и форма, и содержание, и весь привычный уклад жизни пресс-службы катастрофически рушился в периоды проведения таких нервных мероприятий, как брифинги для средств массовой информации, посвященные итогам работы милиции за подотчетный период. Всякий раз на памяти Кати к каждому брифингу она и ее коллеги готовились так, как готовятся в Большом театре к очередной премьере. С самого раннего утра в здание ГУВД в Никитском переулке тек нескончаемый ручей журналистов центральных и областных изданий, телевидения и радио. Журналисты были любопытны, как дети, и недоверчивы, как судьи Конституционного суда. Они страстно жаждали сенсаций и эксклюзива, каких-то фантастических материалов, разоблачений и жареных фактов.

Но что было лукавить? Катя и сама порой страстно добивалась того же самого. Вот и на этот раз брифинг в стенах родного главка интересовал ее с чисто практической точки зрения. Ведь порой достаточно еле заметного намека от соратников по нелегкому делу борьбы с криминальным злом, чтобы осознать, что редкое, необычное, загадочное происшествие уже стучится в вашу дверь, ожидая немедленного расследования и будущей убойной публикации на страницах «Криминального вестника Подмосковья».

Еще сутки назад Катя собиралась на брифинг с легким сердцем. Но сегодня с утра настроение было какое-то неважное. Кате вообще редко снились кошмары, но этот сегодняшний все время напоминал о себе тупой болью в висках. Чтобы как-то отвлечься, Катя начала внимательно изучать пресс-релиз брифинга, тот самый, до боли знакомый, что еще вчера сочинялся всем талантливым коллективом пресс-службы в творческих муках, то и дело озаряемых яркими вспышками поэтического вдохновения.

Среди участников брифинга в длинном, как список кораблей в «Илиаде», перечне фамилий Катя узрела и фамилию начальника отдела убийств Никиты Колосова.

Колосова Катя давно не видела. Все последнее время он был занят делом банды Шворина, совершившей в Подмосковье, Москве, Питере, Харькове и Запорожье больше десятка заказных убийств. Дело было многоэпизодным и межрегиональным. Колосов то и дело мотался то в Питер, то на Ук-

раину, несчастных жертв банды то и дело эксгумировали, потому что всплывали все новые и новые эпизоды и новые трупы. Бандит Шворин то и дело вскрывал себе вены в стенах тюрьмы и уже дважды покушался на побег, нападая с яростью затравленного животного то на конвоиров, то на следователя прокуратуры во время допроса. В результате Колосов вынужден был каждый раз присутствовать на беседах с ним лично. И Катя знала по слухам, доходившим из розыска, что он почти прописался в стенах «Матросской тишины», где и содержали бандита.

То, что в такой напряженной обстановке начальник отдела убийств выкроил полчаса для брифинга, было делом просто небывалым. Но Катя такому чуду и не верила. Ведь в пресс-релиз можно внести фамилии кого угодно — хоть министра, хоть папы римского. И это еще не значит, что пропечатанная на бумаге фамилия материализуется в нужного вам человека.

И Катя не ошиблась в своем мудром скепсисе. Брифинг начался и закончился, а начальник отдела убийств на нем так и не появился. Чего и следовало, конечно, ожидать. Однако...

Все вышло совсем не так.

Они встретились на лестнице, когда Катя уже выходила из зала после окончания брифинга. Царила обычная суета: журналисты толпились в дверях, карауля для интервью начальников криминальных служб. Телевизионщики гасили софиты, складывали громоздкие треноги, убирали камеры в чехлы.

Катя увидела Колосова: он стоял на лестнице напротив дверей, оглядываясь, напряженно кого-то выискивая среди журналистов. Катя сразу почувствовала острый укол профессиональной ревности. Кого это он так нетерпеливо ждет с таким озабоченным, угрюмым и решительным видом? Неужели какого-нибудь писаку из центральной газеты? А может, у него запланировано телеинтервью для вездесущего «Розыска»?

— Катя, подожди, не уходи! Привет, я тебя все пропустить боялся в этом столпотворении. Можно тебя на пару минут? Есть разговор.

Ревность отхлынула, уступив место крайне завышенной

самооценке — оказывается, Никита ждал ее. Катя готова была расцеловать его на глазах у всех — умничка, гениальный сыщик! Ну, сейчас мы из первых рук получим самую свежую информацию о сенсационных подробностях дела банды Шворина.

— Ой, Никита, привет, — расцвела Катя лъстивой нежной улыбкой. — Рада тебя видеть, только вот брифинг-то уже кончился.

— Да, я опоздал. Специально из прокуратуры сегодня на час вырвался... Мне надо с тобой поговорить, — Колосов посмотрел на часы. — Ты сегодняшнюю сводку видела?

— Еще нет, — Катя придала лицу своему самое равнодушное выражение. — А что там такое?

— Убийство в Славянолужском районе.

— Это который самый дальний у нас?

— Да, который дальний. Я туда сам ночью не выезжал и вырваться в эти дни вряд ли сумею. — Колосов хмурился и явно что-то недоговаривал.

— А что там произошло? — спросила Катя.

— Там была свадьба, и потом на молодых было совершенно нападение.

— Пьяная драка, что ли?

— Нет, — Колосов как-то странно смотрел на Катю. — Не пьяная драка... Убийство. Убили жениха, Хвощев его фамилия. А невеста, девчонка молодая, осталась, к счастью, жива.

— А что ты от меня хочешь? — прямо спросила Катя.

— Я хочу, чтобы ты завтра съездила в Славянолужье, потому что сам я туда ни завтра, ни послезавтра, ни на этой неделе выехать никак не смогу, — твердо сказал Никита. — Для этого я и мчался сегодня сюда, зная, что обязательно застану тебя на этой вашей говорильне.

— На брифинге? — уточнила Катя.

— Да. Ну, так что? Договорились?

— Это Славянолужье почти на границе с Тулой? — спросила робко Катя.

— Да, далекоовато. Почти сто семьдесят километров. К тому же убийство произошло не в самом райцентре. Тебя, если поедешь, там участковый Трубников Николай Христович встретит. Я с ним по телефону обо всем договорился.

— Уже договорился? — Катя даже растерялась: отступить, кажется, некуда. — А почему с участковым, а не с начальником милиции?

— А там все новые какие-то, — Колосов поморщился, — месяц как на должность назначены. В обстановку еще не вникли. А мне разжевывать некогда. Христофорыч — мужик надежный и оперативник опытный. Он тебе поможет.

— А что там все-таки случилось? — встревожилась Катя: раз он так настойчиво отправляет ее в какую-то Тмутаракань, значит, для него это очень важно.

— Я повторяю: сам я туда пока выехать никак не могу, факты знаю только понаслышке, проверить сам все тоже не имею возможности. Хочу услышать твое мнение о том, что ты там увидишь и услышишь.

Катя молчала.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я поеду туда завтра. Во сколько твой участковый будет меня ждать?

— Ты на своей машине поедешь?

Катя тяжело вздохнула: ох, мы такие великие ездоки на машинах... Еле-еле на права сдали, еле рулим.

— Выезжай как можно раньше, часов в шесть из Москвы, не то в пробку попадешь. За Домодедовом дорога уже свободная. Доедешь до указателя «деревня Журавка», там автозаправка. Трубников будет там тебя ждать с девяти часов. С начальством твоим о командировке я договорюсь сегодня же.

Катя внимала ему без особого энтузиазма. Колосов покомандирски рубил фразы. Для него этот вопрос был уже решенным. Но ведь и у нее, криминального обозревателя пресскентра, должен быть во всей этой поездке свой собственный интерес.

— Дело-то хоть стоящее? — осторожно спросила Катя.

— Не знаю... Смотри что ты под этим подразумеваешь. Лично мне кажется, если все действительно так, то... Мы давно уже не сталкивались с чем-то подобным.

Катя тревожно посмотрела на Колосова. Если он так говорит, сам по горло занятый целой бандой убийц, то...

Что же ждать ей от этого далекого Славянолужья?

— Я еду, Никита, — сказала она, — ты меня уговорил.

Глава 3

ДЕЖА-ВЮ

О том, как она в самый первый раз ехала в Славянолужье, Катя вспоминала потом не раз. Последующие события — темные и трагические — затмили собой многое. Однако дорога туда оставалась особой сагой.

Катя получила права полгода назад. «Драгоценный В.А.» свою машину ей категорически не доверил. На узком семейном совете было решено взять напрокат у закадычного друга детства Сергея Мещерского его старую машину, которую он держал на даче у тетки. Машина была красной «семеркой». К счастью, в автошколе, где училась Катя, ездили тоже на «классике», и никакой иной модели Катя в результате пока освоить не могла. Езда по городу давалась ей из рук вон плохо. А за рулем главное условие было в том, чтобы в салоне все было точь-в-точь как и в учебной тарактелке. Всякое новшество пугало и сбивало Катю с толку. Спидометр воспринимался тахометром, а показатель уровня давления масла вообще чем-то совершенно незнакомым. Катю успокаивало только одно: и ее инструктор по вождению, и «драгоценный В.А.», и друг детства Сергей Мещерский хором заверяли, что начинать ездить самостоятельно надо именно на той машине, на которой вы и учились.

До Славянолужья предстояло ехать страшно сказать сколько — сто семьдесят километров. Соглашаясь на столь дальнюю поездку, Катя в душе робко надеялась, что дома, когда она за ужином скажет о командировке, Кравченко совершит рыцарский поступок. Объявит: «Любимая, я не позволю тебе рисковать собой на опасной дороге. Я брошу все, любимая, — службу безопасности, своего работодателя, точное дежурство и поеду с тобой на край света. Точнее, сам сяду за руль и повезу тебя».

Но ничего подобного не случилось. Кравченко только саркастически хмыкнул: ну ты и даешь, дорогуша! А потом деловито заметил, что сто семьдесят при средней скорости семьдесят в час — это два с половиной часа плюс езда по Москве, значит, все три с половиной. И для водителя-чайника,

а тем более чайника по имени Катя, это жесткая тренировка. «Если скатаешь туда и обратно — значит, будешь водить, — заключил он философски. — Значит, не зря всю зиму мне голу со своей автошколой морочила».

Из всего сказанного Катя с тоской поняла, что «туда и обратно», то есть все триста сорок километров(!), Вадим предлагает ей проехать за один день. Идея показалась ей столь чудовищной по своей нелепости, как и девятый подвиг Геракла. Однако, поразмыслив, Катя с тревогой поняла, что... из Славянолужья-то все равно придется как-то возвращаться. Не ночевать же там где-то в стогу сена на границе между Серебряными Прудами и Тульской областью.

Ночь Катя провела в тревожном ожидании дороги. Кравченко, на этот раз игравший роль будильника, поднял ее ровно в шесть. Машина подозрительно быстро завелась, и Катя сначала на первой скорости, а затем на второй выехала из родного сонного двора и покатила по Фрунзенской набережной на восток, навстречу лучам восходящего солнца.

Солнце, правда, моментально скрылось за тучу. День снова обещал быть пасмурным. В шесть часов улицы Москвы были хоть и не пусты, но все же свободны. Катя ехала, судорожно вцепившись в руль и смотря на дорогу строго перед собой. Какие уж там зеркала — боковые и заднего вида! Пару раз она глохла на перекрестках у светофоров и впадала в страшную панику. К счастью, время было раннее и никто сзади ей истерически не сигналил.

На подъезде к МКАД во встречном направлении уже двигался нескончаемый поток машин. Утром все ехали только в Москву. И Катя порадовалась, что ее осенила гениальная мысль ехать утром из Москвы.

А потом началось Подмосковье. Замелькали деревни, дачные поселки, коттеджи, поля, леса и перелески, речки, пруды. Обычно дорогой Катя любила смотреть в окно, успевая заметить все на свете. Но теперь, цепко держа руль в своих слегка окостеневших от напряжения руках, она не видела ничего — ни слева, ни справа. Взгляд ее был прикован к габаритным огням впереди идущей машины. А иногда, когда «семерку» обгоняли, ревя мощными моторами, грузовые фуры или «Икарусы», Кате вообще хотелось закрыть глаза,

чтобы не видеть этих грохочущих монстров, тяжело утюживших ленту шоссе.

Говорят, глаза страшатся, а руки делают. Долго ли, коротко ли, но восемьдесят километров Катя проехала. Остановилась на обочине. Передохнула. Часы показывали четверть восьмого. Мимо проносились машины. Их вели сплошь мужчины. Катя, провожая машины взглядом, чувствовала себя чужой на этом празднике жизни и остро завидовала. Увы, сейчас ей было ясно как день: есть в мире две разные стихии — женская и мужская. Дорога была изначально стихией мужской. Противоположный пол царствовал здесь с незапамятных времен странствующего рыцарства и караванных путей из варяг в греки. То, что вместо коней сейчас были машины, не имело значения. Машины были только средством. А дух был прежним, древним. И дух этот был исполнен соперничества, задора, риска и скорости. Катя чувствовала, что те, кто вдыхал пыльный воздух дорог полной грудью, лишь терпят ее здесь, снисходительно позволяя ползти по крайнему убогому ряду среди тихоходов и дохлых «чайников» с наклейками «у» на заднем стекле.

Верно говорят — всяк сверчок знай свой шесток... Чтобы как-то взбодриться, Катя подумала, что в Шумахеры она все равно не пошла бы, хоть ей миллион золотом плати. Снова завела машину, тихонько тронулась с места и поехала. И опять замелькали деревеньки, дачи, овраги, перелески, подмосковные городки и поля. За Ступином машин стало мало, а шоссе напоминало взлетную полосу. И Катя даже чуть-чуть расхрабрилась и прибавила газа, воображая себя, как в детстве, реактивным истребителем. На сто первом километре пути она вдруг успокоилась. От сердца словно что-то отлегло. Можно даже, оказывается, ослабить мертвую хватку руля, и ничего не случится страшного... руль никуда не денется. Не оторвется. Катю теперь страшно удивляло и радовало все: что машина чутко слушается руля, что мотор мерно урчит, все кнопки-переключатели работают. И что вообще ехать вот так, без напряга, по свободной дороге среди полей и лесов... почти приятно. А потом произошло настоящее чудо: Катя оторвала наконец от руля правую руку, дотянулась до магнитолы и включила музыку. Приемник был настроен на радио «Орфей»,

и в салон ворвались скрипки Вивальди — «Лето» из «Времен года». Подстегиваемая музыкой, Катя прибавила газу.

Ух ты! Восемьдесят в час — кому рассказать, не поверят никогда!

Мимо, легко обгоняя маленькую «семерку», пронесся черный «Мерседес», мигнул насмешливо фарами и... Через минуту солнце блеснуло на его заднем стекле далеко впереди.

В половине десятого Катя увидела справа на обочине синий указатель: «д. Журавка». Деревня вытянулась вдоль шоссе. За околицей, конечно же, имелся традиционный пруд, в котором плескались утки, за ним виднелась новенькая автозаправка, похожая на игрушечный пластиковый конструктор. Катя подъехала к заправке, остановилась, высматривая в окно участкового Трубникова. И почти сразу же увидела его: к ее машине неторопливо направлялся длинный и худой, как дядя Степа, милиционер. На вид ему было за сорок. Мундир его был не нов, но тщательно подогнан по фигуре и аккуратно отутюжен. Лицо милиционера было коричневым от загара, а длинные ноги в сапогах (деревенская особенность) смахивали на циркуль. Милиционер степенно приблизился, нагнулся к машине точно шлагбаум, приложил руку к козырьку фуражки:

— Здравия желаю! Издали вашу машину по номеру узнал. Майор Трубников Николай Христофорович, здешний участковый уполномоченный.

— Екатерина Сергеевна, — чинно представилась Катя, пожимая его руку — ладонь Трубникова была мозолистой и жесткой, как подметка.

Катя хотела было вылезти из машины, но... внезапно почувствовала, что не может не только двигаться, но даже распрямиться... тело затекло, спина болела.

Трубников пристально разглядывал ее. Причем, как показалось Кате, с явным недоверием.

— Вы из какой же такой службы будете? — спросил он, кашлянув.

— Из пресс-центра главка. Разве Колосов, начальник отдела убийств, вам этого не сказал?

— Сказать-то он сказал... Мол, приедет специалист по

всяким таким делам... — Трубников прищурился. — А вы небось недавно институт закончили. Да?

— Я не первый год в милиции, Николай Христофорович, — гордо сказала Катя. — Колосов сказал мне, что здесь у вас в районе совершено убийство, которое не раскрыто по горячим следам. Он сказал, что вы введете меня в курс дела.

— Ну, что вы такая молоденькая, может, оно и к лучшему, — задумчиво изрек Трубников. — Вам, молодежи-то, между собой легче общий язык найти. Тем более в таком вопросе интимном... — он вдруг загадочно умолк.

Катя с недоумением посмотрела на него — о чем это он?

— Вы мне расскажите подробно, Николай Христофорович, что у вас тут стряслось, — сказала она. — Я знаю только, что убили какого-то Хвощева, вроде бы на его же собственной свадьбе.

Трубников помолчал.

— Значит, сделаем так, Екатерина Сергеевна, поедем прямо сейчас на место, где все и произошло. Это отсюда всего двенадцать километров, ну а там... решим, что и как дальше. По дороге я вам расскажу... Одним словом, расскажу все, что установлено первоначальными результатами осмотра и опроса свидетелей. Потом поедем в морг. Тело там до сих пор. Сегодня патологоанатом с ним работает. Нервы-то у вас как, крепкие?

Катя посмотрела на Трубникова и открыла дверь машины, приглашая его садиться.

В «семерке» Трубников едва поместился. Голова его в форменной фуражке почти упиралась в потолок.

— Я покажу, как ехать, — сказал он, кряхтя. — До села Большое Рогатово по шоссе все прямо, а потом направо свернем, там бетонка пойдет. Когда-то колхоз «Боец» сам себе дорогу проложил до реки и зернохранилища.

Указатель «Большое Рогатово» появился через шесть километров. За ним началась старая, разбитая дождями бетонка. Местность была холмистой. Дорога шла то под уклон, то поднималась в гору. Катя, не готовая к преодолению препятствий, снова судорожно вцепилась в руль. За осиновою рощей начался уж совсем крутой спуск к реке.

— Тихонько, тихонько, не гоните, на вторую скорость

перейдите, — подсказывал Трубников. — Вот и Славянка наша, — назвал он речку. — В Оку впадает. Видите мост — нам туда.

Земля тут раньше разным колхозам принадлежала, — продолжал он чуть погодя. — Ну а перед самой перестройкой объединили их все скопом в один агропромышленный комплекс.

Катя не перебивала участкового. Конечно, историю следовало начинать с самого убийства, а не с сельского хозяйства, но... видно, у Николая Христофоровича Трубникова была своя особая манера повествования. И с этим приходилось мириться.

— Заместителем директора комплекса работал Чибисов Михаил Петрович. Специалист дельный и хозяин хороший. И мужик тоже ничего. Был у нас депутатом всех созывов, а затем, как комплекс в фирму преобразовался, он это общество акционерное и возглавил. Талант у него к сельскому хозяйству и предпринимательству врожденный. Развернулся он тут у нас вовсю — агрофирму «Славянка» сейчас все знают. Часть земель он за фирмой оставил, часть в аренду отдал фермерам. Часть под теплицы и оранжереи пустил. В общем, за какие-то шесть лет хозяйство крепко на ноги поставил. Процветать начал. — Трубников покачал головой. — Да... И процветал по нынешним временам — дай бог так всем. Дом отгрохал — особняк, конюшню завел, по Славянке каждое лето на собственном катере и мотоцикле водном гоняет. Самолет даже спортивный на паях со своим старым приятелем Хвошевым Антоном Анатольевичем приобрели. Только вот не повезло с самолетом-то... В марте полетел Хвошев на нем в Тулу на какое-то совещание, да при взлете и упал самолет. Летчик-то легко отделался. Сугроб его глубокий спас. А Хвошеву-то не повезло. Калекой стал, полным инвалидом.

— Но ведь фамилия убитого тоже Хвошев, — Катя решила пришпорить неторопливое повествование участкового.

— Это сынок его Артем, двадцать три года всего ему было-то, — Трубников снова покачал головой. — А на самолете отец его разбился. Он у нас тут тоже активно и успешно занимался бизнесом. У него завод ликероводочный как раз в Большом Рогатове, что мы с вами только что проезжали. А с

Чибисовым они не только друзья старинные, но и партнеры — Хвощев барду ему с завода своего на фермы поставляет.

— А что это такое? — спросила Катя.

— Барда-то? Это отходы. Когда спирт гонят, барда остается. Скот на ней хорошо откармливается, вес набирает. Чибисов у Хвощева эти отходы берет и Павловский Александр Андреевич — скотопромышленник наш. — Трубников усмехнулся, словно смакуя это неуклюжее словечко. — Тоже покупает для герефордов канадских своих. Я к чему рассказываю все это так подробно... Чтобы вы, Екатерина Сергеевна, человек городской, столичный, поняли, что по нашим деревенским меркам в деле этом замешаны большие и влиятельные в масштабах района люди. У Чибисова дочь есть Полина. Университет в Москве заканчивает, исторический факультет. Девушка хорошая, даже очень хорошая. Говорила мне, археологом, мол, буду. Ну, на отцовские деньги можно и археологом... Давайте, говорит, Николай Христофорович, мы Черный курган раскопаем, вдруг там захоронение древнее? Что для этого надо, какое разрешение и где получить можно? Фантазерка такая... Но девочка хорошая, правильная. И выпало ей прошлой ночью такое испытание, такая беда, что... — Трубников посмотрел на Катю. — Свадьбу тут у нас в воскресенье играли богатую. Артем Хвощев на Полине Чибисовой женился. Из загса прямо в церковь поехали. Венчал их наш отец Феоктист. Мировой мужик. Проповеди сам пишет, сочиняет и читает их прихожанам — прям оторопь берет, когда за пьянство жучить начинает. И на свадьбе он тоже был, а еще, кроме него, гостей было человек сто пятьдесят. Накануне сам Чибисов мне в опорный позвонил и говорит: патрулей никаких из района дополнительных не вызывай, не надо. Сами своими силами порядок будем поддерживать. А сам ко мне приходи праздновать.

— И вы тоже были на этой свадьбе? — спросила Катя.

— Нет, не попал я на свадьбу. Здесь теперь налево сворачивайте, тихонечко. Руль быстрее крутите, а то так и в кювете заночевать можем. Тут дорогу маленько развезло после дождя, да ничего, проскочим. — Трубников сдвинул фуражку на затылок. — Вечером вызвали меня, как назло, в Марусино — кража там была из палатки продуктовой. Украли-то немного,

а мороки... потом мотоцикл мой сдох, короче, застрял я там, в Марусине. И поэтому о том, что на свадьбе было, только со слов свидетелей, мною же и опрошенных, знаю. Приезжих среди гостей много было — в основном все знакомые Хвощева и Чибисова: партнеры деловые, друзья-приятели. Некоторые семейно прибыли. Некоторые даже с собственной охраной. Один депутат был вроде даже. Хвощев-старший тоже хотел в Думу избираться, да теперь с этой катастрофой не до этого уже. Пятый месяц в больнице с аппаратом искусственной почки лежит. Вот она жизнь как иногда поворачивается... А наших местных на свадьбе тоже было много. Самые сливки, так сказать. Павловский Александр...

— Что-то фамилия очень знакомая, — сказала Катя. — Где-то я ее слышала.

— Возможно, он человек заметный. Был и компаньон его Туманов Константин. Ну, потом дачники наши — художник Савва Бранкович, это который портреты пишет, и Галина Островская — она сюда каждый год приезжает. Муж ее покойный домишко тут купил, отстроил заново, да и помер, бедняга, на этом строительстве — надорвался. А Галина-то живет здесь с апреля по ноябрь. Пока белые мухи не полетят. Не помните ее, нет? Сейчас ее, правда, узнать трудно. А раньше-то, в мою молодость, какая она знаменитая актриса была. Фильм за фильмом выходил. Кино тогда жизненное было, доброе. Помню, в семьдесят третьем пошел я — парень совсем тогда еще молодой — после суток дежурных в кино. Дело-то в райцентре было, и картину новую привезли. Островская в ней играла и этот, как его...

— Куда теперь-то ехать? — быстро спросила Катя.

— Опять налево забирайте. Сейчас поля пойдут агрофирмы «Славянка». Мы уже почти до места добрались. — Трубников вздохнул. — Да, время-то золотое было — молодость... Но к делу нашему возвращаюсь. Как удалось установить мне со слов свидетелей, а опрашивал я непосредственно личную секретаршу Чибисова Кустанаеву Елизавету Максимовну, примерно в начале второго ночи молодые на машине поехали в Москву. В свадебное путешествие они улетали в Испанию. А рейс был ранний. Шестичасовой. Ну они и выехали прямо от свадебного стола. Но до Москвы не добра-

лись. Вот здесь их обнаружили. В пять часов машина шла на станцию — водитель и заметил с дороги что-то во ржи. Как раз только-только и ливень утих. Ну, вот здесь. Дальше нам, Екатерина Сергеевна, пешком придется.

Катя с великим трудом вылезла из машины. Тело было деревянным. Ноги, казалось, навечно срослись с педалями сцепления и газа. Даже координация движений была точно у новорожденного Буратино. Но все эти мелочи сразу же отошли на второй план, едва только Катя увидела *это место*.

Проселок, по которому они только что ехали, пересекал большое поле. К самой дороге вплотную подступала высокая желтая стена колосьев. Катя впервые в жизни, а не по телевизору и не на картине Венецианова увидела настоящее ржаное поле. Оно простиралось насколько хватало глаз — до самого горизонта. Кругом на многие километры не было ничего, кроме волнуемых ветром колосьев да серого пасмурного неба с клубившимися на юго-востоке новыми грозowymi облаками.

— Сюда, — позвал Трубников, и они по узкой заросшей травой колее двинулись в рожь. Рыхлая земля под ногами была пропитана дождевой влагой.

— Вот здесь мы нашли их машину, — сказал Трубников. — Вон осколки от лобового стекла. Осторожнее наступайте. Ноги не пораньте.

Катя увидела две свежие глубокие колеи от автомобильных колес, наполненные водой. И осколки стекла. Среди них валялся измазанный бурой глиной обрывок белой ткани. Катя наклонилась и увидела пуговицы, рукав и манжет. Это был оторванный лоскут мужской рубашки.

— Кое-какие улики здесь, на месте, следователь пока оставил для повторного осмотра, — отреагировал Трубников на ее вопросительный взгляд, — первоначальный-то осмотр в семь утра был, под проливным дождем. У нас тут вчера весь день как из ведра. — Трубников указал на ткань: — Рубашка потерпевшего Артема Хвощева. Фрагменты ее здесь и вон там еще валялись. Пиджак мы возле машины нашли. Целый. А во-он там во ржи было тело.

Катя посмотрела, куда он указывает, и увидела четкий след волочения: колосья были примяты, местами варварски

сломаны и втопты в грязь. Они с Трубниковым пошли по следу и... Сердце Кати дрогнуло: она ничего не видела, кроме непроницаемой желтой стены. Это место... Это странное место. Она уже была здесь раньше — вчера во сне и потом, когда уже проснулась, едва не вскрикнув от страха. Где-то нудно гудели мухи — словно впереди среди золотистого хлеба скрывалась куча нечистот.

— Осторожнее, — шепнул Трубников.

Колосья неожиданно расступились — Катя увидела перед собой вытопанную площадку. По земле словно кто-то заново прошелся плугом — все было взрыто, вывернуто, выкорчевано. От дождя почва совсем раскисла, походя на хлюпающее под ногами болото. Только вот цвет у стоячей воды этого болота был странный: темно-багровый.

— Здесь мы парня обнаружили. Мертвого, — сказал Трубников. — Из всей одежды на нем только плавки были да брюки, до колен приспущенные. Вся кровь его тут, в этой луже. Земля аж не впитывает, не принимает.

— Как его убили? — тихо спросила Катя.

— Мы со следователем более девяноста ножевых ран на его теле насчитали в области живота, груди, шеи, паха. Даже кожа местами на решето была похожа. В морге увидите, какой он. В салоне машины ихней — а это внедорожник японский двухместный — тоже кровищи было полно. Машину-то следователь пока тут у нас оставил. Не на ходу она — прямо в мотор кто-то кувалдой или ломом заехал. Разбил все к черту.

Катя смотрела на багровую лужу. Именно над ней кружили, жужжа, навозные мухи. Садились на крохотные островки бурой глины, что-то там сосали своими хоботками.

Катя взглянула вверх: небо. Как и в том сне — только небо и эти колосья. Стены и потолок, словно в клетке. «Значит, там, во сне, это тоже была рожь», — подумала она с какой-то странной уверенностью. Она протянула руку к колосу. Вот ты какой, оказывается, ржаной хлеб.

— А где нашли Полину Чибисову? — спросила она.

Трубников поманил ее пальцем за собой. Прошли еще метров тридцать, Трубников раздвигал колосья руками.

— Вот здесь. Мне шофер показал, который первый их обнаружил. Она лежала на земле, раздетая. Он подумал —

она тоже мертвая, а она в обмороке была глубоком. Когда он попытался ее в чувство привести, она как закричит... Видно, шок пережила, до сих пор никак не отойдет. Стала навряд помешанной. «Скорую» вызвали, так она никому из врачей даже дотронуться до себя не дала — кричит, вырывается. Кровь на ней была. К счастью, не ее. Ран на ней нет, а вот насчет чего другого — этого мы пока выяснить не можем.

— Эксперт взял на исследование образцы крови? — спросила Катя.

— Взял. Только я и без экспертизы скажу, чья на ней кровь, — жениха ее, Артема, — сказал Трубников.

Катя посмотрела на участкового: какой именно смысл он вкладывает в эту фразу?

— Нож не нашли? — спросила она после паузы.

Трубников отрицательно покачал головой.

— Кто же все-таки на них напал? — спросила Катя. — Как вообще они здесь очутились — в поле, так далеко от магистрального шоссе — они же в Москву в аэропорт ехали?

— Лично мне кажется, приехали они сюда сами на своей машине, — сказал Трубников. — Только вот что дальше тут приключилось, по данным первичного осмотра установить не представляется возможным... — Он вдруг оборвал себя на полуслове и сделал Кате предостерегающий жест — тихо!

В первое мгновение Катя не услышала ничего, кроме шуршания колосьев, но затем... Чавканье глины и чьи-то шаги. От неожиданности сердце Кати громко застучало. Здесь, среди этого пустынного зловещего поля, она внезапно почувствовала себя как во сне. Сон и реальность на миг будто поменялись местами, и казалось — вот сейчас произойдет нечто...

— А, это вы, Савва Драгоевич, — услышала она голос Трубникова — напряженный и одновременно удивленный, — а я смотрю — кого это сюда нелегкая несет... Вообще-то тут посторонним находиться пока не положено.

— Ну, для меня сделайте небольшое исключение. А я вас сколько раз, Николай Христофорович, просил — называйте меня просто Савва. Сами говорили, что об отчество мое язык ломаешь.

Голос, прозвучавший в ответ, был мужским, глухова-

тым, с ощутимым акцентом. Этому странному чужеземному акценту эхом вторила еле уловимая мелодия, словно занесенная в эту настороженную тишину далекой радиоволной. Музыка была тихой и удивительно знакомой. Катя узнала ее сразу же — мелодия из фильма Кустурицы «Время цыган». Рожь заволновалась, зашуршала, и из нее, словно отделившись от желтой живой стены, появился человек. Это был мужчина лет около сорока, весьма примечательной наружности. Фигура его была приземистой, полной. Лицо же, напротив, очень худым, скуластым, с резкими чертами. Густые черные брови шнурками сходились к самой переносице. Нос был крупный, римский, с горбинкой. Подбородок резко выдавался вперед. Верхнюю губу оттеняла полоска темных усов. Одет незнакомец был в потертые джинсы, черную размахайку с яркими этническими узорами на груди и пятнистый жилет милитари. На загорелый лоб его была глубоко надвинута панама цвета хаки, на открытой загорелой груди, густо поросшей курчавой черной шерстью, поблескивал массивный золотой крест, из оттопыренного нагрудного кармана жилета выглядывал аудиоплеер, а мощную шею, точно гривна, окружали снятые наушники. Из них-то и сочилась мелодия из фильма Кустурицы.

Таким перед Катей предстал известный художник Савва Бранкович, и она, приглядевшись внимательно, сразу же вспомнила, что уже встречала его однажды — причем именно на том самом памятном концерте Эмира Кустурицы, когда он приезжал в Москву со своими музыкантами. Это было несколько лет назад, но Савва Бранкович с тех пор ничуть не изменился. Катя живо припомнила, что на тот концерт он явился в бело-черной зебровидной майке и военном кителе полковника югославской армии с золочеными аксельбантами, чем надолго и приковал к себе внимание всей тусовки.

— Вот решил с утра своими глазами взглянуть на это проклятое место, — объявил Савва Бранкович участковому. — Кстати, и освещение колоритное.

В эту минуту свинцовые тучи, нависшие над дальним краем поля, пронзил яркий солнечный луч. Он был похож на золотую спицу, которой насквозь прокололи небо. Капли на траве и колосьях сразу вспыхнули всеми цветами радуги. Со-

лнечный луч, казалось, вонзился в самую середину багровой лужи, разлившейся у ног троих людей, стоявших друг против друга. Катя внезапно почувствовала, как к горлу ее клубком подкатила тошнота.

— Здесь произошло убийство, — сказала она. — Вы что же, с утра пораньше явились сюда, чтобы с любопытством посмотреть на место, где человеку нанесли девяносто ударов ножом, выпустив из него всю кровь в эту вот лужу, что у вас под ногами?

— Милашка, а ты кто? — спросил Бранкович и обернулся к Трубникову: — Христофорыч, дорогой, это что еще за птица?

— Это коллега моя, из главка нашего прибыла — Екатерина Сергеевна. Капитан милиции, — невозмутимо сказал Трубников. — Вот место с ней осматриваем. А вы, Савва, что же, с дачи своей идете?

— С дачи, — Бранкович кивнул. — Удержаться не мог — свернул с дороги сюда. Да, темное дело, очень темное... А с Полиной, значит, так и не удалось до сих пор поговорить?

— Пока нет.

— Бедный маленький воробышек, — Бранкович покачал головой. — Такие приключения в брачную ночь... Ее ведь изнасиловали, да?

— Я, Савва Драгоевич, такой информацией не располагаю и вас, то есть тебя, убедительно прошу такие слухи пока тут у нас не распускать.

— Да что там слухи! Испортили девчонку, — Бранкович вспыхнул, как порох. — Ты любого здесь спроси — все об этом только и говорят. Я б на месте отца ее и суда никакого не стал ждать, сам бы нашел подонка, убийцу и кишки его грязные ему же в глотку бы и забил.

— А вы сами были на этой свадьбе? — спросила Катя.

— Конечно, был. Все были. А что такое?

— А во сколько вы застолье покинули, можно вас спросить?

— Под утро уже. Да там все пьяные были. Девушка, не знаю, как вас и называть-то теперь, господин полицейский или красавица моя, там нажрались все в доску под конец, понимаете? Вы когда-нибудь на свадьбах деревенских бывали?

Я не то что времени счет за столом потерял, я вообще когда очухался, понятия не имел, кто я и где нахожусь — в Москве ли, в Белграде ли моем родном, в Баня-Луке ли, в аэропорту или на берегу Славянки нашей на русской даче моей.

— Екатерина Сергеевна, нам пора. Машину надо осмотреть да в морг заехать, — хмуро сказал Трубников. — Ну, и насчет главного решить, как и что... Савва, а ты?

— Ухожу, ухожу я, Христофорыч, не переживай, — Бранкович вскинул руки, точно сдавался в плен. — Я на реку шел купаться. Всего хорошего. Удачи в делах. Прощайте, капитан, птичка сердитая, — улыбнулся он Кате ослепительно и нахально. — И один совет на прощанье, чтобы вы вспоминали Савву Бранковича: чтобы вам тут ни рассказывали об этом месте, — он широким жестом обвел поле, — не верьте. Ничему не верьте. Крепче спать будете, девочка.

— Станный какой, — осторожно заметила Катя, когда они с участковым уже сидели в машине. Катя включила зажигание. — Что он мне такое посоветовал — не верить рассказам об этом месте? О чем это он?

— Чепуха, сказки, — Трубников поморщился. — Не берите в голову.

— А вы, я смотрю, на короткой ноге с этой богемой, Николай Христофорович. В Москве не многие этим похвастаться могут.

— Да? Надо же, а с виду он такой парень простой... Я его в прошлом году выручил сильно, с тех пор мы и подружались, — скромно сказал Трубников. — Он спяну на джипе своем вброд через Славянку переправляться надумал, да не рассчитал маленько брод-то. Чуть не утонул. А я мимо ехал на мотоцикле, ну и увидел, как он там бултыхается. Трактор мы с мужиками подогнали, вытянули его. Ну, и познакомились. Он парень свойский, в баню меня свою позвал париться-отогреться. Дело-то весной было ранней. Вода стылая... Ну, попарились мы, отогрелись. Баня-то у него шик-блеск, мечта, а не баня. Он себе дачу — ха-а-рошую — выстроил возле хутора Татарского. Наезжает сюда частенько. Мастерская тут у него и кузня даже своя есть. Он ведь, помимо живописи, кузнечное дело хорошо знает. Такие вещи создает — загляденье. Этот год он и зиму почти всю жил на даче. Он ведь по

отцу-то наполовину серб, наполовину хорват, а по матери русский. Родители у него в Белграде живут — он сам мне рассказывал. Одна сестра за русского вышла, живет в Туле. Муж у нее спортсмен известный — лыжник-многоборец, чемпион олимпийский. А другая сестра в Боснии замужем за каким-то мафистом местным. После войны Савва-то что-то не очень домой в Белград ездит. Все больше у нас тут обретается. Картины свои пишет. Наезжают к нему гости часто из Москвы. Выпивают, конечно, охотой по осени балуются. Наши, местные, с ним тоже все в дружбе. Чибисов — отец Полины и Хвощев-старший... Одним словом, свой он тут у нас, хоть отчество его, кроме меня, никто и выговорить не может.

— А с Артемом Хвощевым он в каких был отношениях? — спросила Катя.

— В нормальных, точнее, ни в каких. Артем зелен был еще, чтобы с таким человеком, как Савва, какие-то отношения поддерживать.

— А с Полиной?

Трубников пожал плечами. Но Катя заметила, что он снова нахмурился, словно она спросила о чем-то запретном.

— Не бойтесь, что машину-вещдок по винтику растащат, пока следователь в отдел ее перегонит? — задала она новый вопрос чуть погодя.

— У меня не растащат, — коротко бросил Трубников. И Катя по его голосу поняла, что он уязвлен до глубины души. Она смеет сомневаться, что он не принял все меры к сохранности изъятых с места происшествия улики!

Автомобиль ждал их в гараже опорного пункта милиции — железном пенале, выкрашенном в ядовито-зеленый цвет. Однако, чтобы добраться до опорного пункта, пришлось снова петлять по проселку, преодолевать крутые подъемы и спуски и в конце концов очутиться у той же автозаправки, где Катя и встретилась с участковым. Оказалось, что опорный пункт был от автозаправки в двух шагах: маленькое одноэтажное строение, втиснутое между придорожным магазином автозапчастей и ремонтной мастерской.

В опорный пункт Катя заходить не стала: Трубников сразу же провел ее в гараж и там в таинственном полумраке, пропитанном запахами бензина и резины, она увидела двух-

местный «Судзуки», принадлежавший Артему Хвощеву. Машина была сильно забрызгана грязью и еще чем-то...

Через выбитое лобовое стекло Катя заглянула в салон: на серых чехлах сидений — бурые потеки, пол сплошь усыпан осколками стекла. Капот был искорежен, фары разбиты, бампер оторван.

— Когда мы машину на месте со следователем осматривали, — сказал Трубников, — в багажнике три сумки были, большие, спортивные. Они ж за границу ехали отдыхать — в основном летняя одежда, тряпки. На полу была дамская сумка белого цвета. Там все их документы — загранпаспорта, авиабилеты, ваучеры на отель, две кредитные карты, телефон ну и косметика разная. Все вещи следователь к делу приобщил. Вот здесь впереди мужская визитка валялась. Тоже следователь изъял к делу.

— А ключи от машины где были? — спросила Катя.

— Торчали в замке зажигания, мотор был выключен. — Трубников открыл дверь со стороны водителя. — Вот эта дверь и та тоже распахнута настежь были, а сиденья опущены. Мы их подняли, когда пол осматривали. А было все в таком вот положении. — Он опустил сиденья.

— Удобно, — Катя дотронулась до серого чехла.

— Кровать, да и только. — Трубников покосился на нее, хмыкнул. — Прямо ложе супружеское, м-да...Мы тут еще кое-что нашли.

— Что? — Катя нагнулась, заглядывая под машину.

— Часть женского туалета.

— Какую именно?

— Трусы белые кружевные. Разорванные.

— Где они были? В салоне или вне машины?

— Это с какой стороны посмотреть. Повешены были вот сюда как флаг. — Трубников взялся за боковое зеркало с правой стороны.

— Когда Полину Чибисову нашли без сознания, какая на ней была одежда? — еще раз уточнила Катя.

— Платье подвенечное — разорванное, грязью запачканное, окровавленное. «Молния» сзади распушена.

— Что, тоже разорвана?

— Нет, расстегнута, только совсем. Я сам это видел, а

платье спущено было до пояса — спина, плечи, грудь голые. Девчушка ничком лежала, в комок сжавшись.

— А обувь на ней была?

— Одна белая туфля на шпильке. Лодочка. На левой ноге. В земле вся. А вторую мы за машиной нашли в луже.

Катя обошла автомобиль, внимательно осмотрела разбитый капот.

— Что же все-таки произошло, Николай Христофорович? — тихо спросила она.

— Скажу только насчет машины этой. Как мы со следователем Панкратовым меж собой прикинули. Значит, приехали Хвощев и жена его туда, где мы их нашли, сами. Остановились в поле. Мотор заглушили, но ключ из замка не вынули, значит, далеко от машины уходить не собирались. Сиденья в салоне опустили, стекла тоже... Ну а потом звезданул им кто-то по капоту, стремясь мотор вывести из строя, чтоб не уехали они, не спаслись оттуда. Эксперт наш предмет, которым по капоту дубасили, определил как «тяжелый металлический» — лом это, скорее всего, был или отрезок трубы. Высадили и стекло лобовое. Может, той же трубой, а может, и ногой — на капоте вмятины глубокие вот здесь и вон там. — Трубников показал Кате наглядно. — С машиной, думаю, все так в точности и было.

Катя ждала, что он продолжит, но Трубников замолчал.

— Ну, что же... Теперь в морг? — не слишком уверенно предложила Катя. Трубников мрачно кивнул.

Морг находился при больнице райцентра. Путь туда был неблизкий. Катя давно уже потеряла счет и времени, и километрам. Она боялась даже думать о том, сколько часов уже провела за рулем. Руки, ноги, спина — все было словно чужое. Однако, когда эти самые чужие, одеревеневшие ноги и руки нажимали на педали и крутили руль, все словно вставало на свои места. Даже усталость куда-то девалась — до следующей остановки, до следующей высадки. «Все-таки мы едем, а не пешком плетемся, — утешала себя Катя. — Вот сейчас до этого чертова морга доберемся, там и...» Она вовремя одернула себя, едва не произнеся «отдохнем». Еще чего!

Нет, говорят, худа без добра. Сильная физическая усталость помогла Кате, как ни странно, довольно спокойно,

если не сказать апатично, встретить то, что ожидало их с Трубниковым в морге. При других обстоятельствах Катя, на-верное, испугалась бы гораздо сильнее.

Они с Трубниковым успели вовремя. Из областного бюро судебно-медицинской экспертизы в больницу прибыл патологоанатом. Вскрытие давно уже шло своим чередом. Когда патологоанатом показал им то, что некогда было телом Артема Хвощева, Катя судорожно вцепилась в руку Трубникова.

— Девяносто восемь ножевых ран, — сказал эксперт, — из них процентов шестьдесят — проникающие, причинившие повреждения внутренним органам. Особенно сильно пострадала брюшная полость. Как видите, она почти вскрыта, внутренности в таком ужасном виде. Множественные повреждения грудного отдела и паха. Семь ножевых ранений в область спины и ягодиц. Горло перерезано, на лице глубокие порезы. Характер ран таков, что мы с уверенностью можем говорить о том, что нападение было крайне жестоким. Я бы сказал, просто неистовым.

— Женщина могла такое сделать? — спросила Катя, стараясь не смотреть на труп.

— Женщина? Я бы сказал, нет, никогда, если бы у меня самого пять лет назад не было одного случая, — патологоанатом оживился. — Женщина, психически больная, тридцати пяти лет, нанесла своему двадцативосьмилетнему брату — крупному, сильному парню, сто двадцать одно ножевое ранение. Буквально растерзала его.

— Психически больная? — переспросил Трубников. — Силища-то у них такая откуда? Это ж силу надо какую иметь...

— Здесь есть раны, когда лезвие ножа наткнулось на кость и оставило на ней отметины, — сказал эксперт. — Я бы сказал, что для женщины это в принципе невозможно, если бы в том случае с психопаткой у меня не было и такого. В нашем случае смерть наступила от множественных тяжелых повреждений и связанной с ними острой кровопотерей. Время смерти, судя по тем признакам, что я наблюдаю, приблизительно от двух до трех часов утра.

— Темно, значит, еще было. Не рассвело, — тихо сказал Трубников. — А петухи-то уже пропели...

В этом его мимолетном замечании было нечто странное. И странность эта была не в словах, а в тоне, каким Трубников произнес последнюю фразу. «Что-то не то, — подумала Катя. — И он, как и Никита, явно что-то скрывает, недоговаривает».

— Когда будет готово ваше заключение? — спросила она патологоанатома.

— Думаю, к вечеру управлюсь с этим, — эксперт кивнул на труп. — Дня за два все суммирую, обобщу и напишу. Колосов Никита Михайлович просил лично ему копию по факсу переслать. Я, честно говоря, его самого сегодня ждал. Почему он не приехал?

— Он очень занят по другому делу, — сказала Катя. — А почему вы ждали сюда именно его?

— Ну как же... Нам ведь с ним прошлым летом, когда из Тульского управления сообщение пришло о... — патологоанатом, наткнувшись на взгляд Трубникова, внезапно умолк. — Одним словом, передайте Никите Михайловичу, что копию заключения я ему сразу же перешлю, — сказал он Кате после паузы.

— Хорошо, я передам, — ответила Катя. — Не смею больше отвлекать вас от дела.

— Куда теперь, Николай Христофорович? — спросила она Трубникова на улице, решив... пока не опережать событий. Что ж, в принципе от начальника отдела убийств ничего другого она и не ожидала. Скрытность Колосова была просто профессиональной болезнью.

Однако, не посвящая ее фактически ни в какие детали происшедшего, Никита все же зачем-то послал ее сюда, в это Славянолужье. Значит, для чего-то она, Катя, была нужна ему именно здесь.

— Куда теперь? — повторила она свой прежний вопрос. — Вы там, в поле, обмолвились, что наступит время обсудить главный вопрос.

— Главный-то? — Трубников прищурился. — Да я уж и не знаю, как и быть с ним. Я Никиту Михайловича просил человека прислать опытного, знающего, чтобы в контакт он войти смог с главным нашим свидетелем.

— С Полиной Чибисовой? — спросила Катя. — Она где сейчас — в больнице?

— Дома она. Невозможно было ее в больницу везти — так она кричала, вырывалась. Отец не дал, домой ее увез. Туда врачи поехали. Но и там ничего не вышло. Ее ведь даже не осмотрели, не освидетельствовали как полагается. Не в смысле ран, нет, а в смысле... Слышали, про что Савва Бранкович-то спрашивал?

— Вы не установили, была ли она изнасилована? Значит, есть подозрения, что была?

— Труссы-то я ее где нашел? — сказал Трубников. — Тот-то. Деталь красноречивая. Как флаг они повешены были — нагло так, будто в насмешку. А Полина единственный наш свидетель, главный наш шанс в этом деле. Только шанс этот сейчас в таком состоянии душевном, психическом, что не больно-то им воспользуешься. — Трубников пристально смотрел на Катю. — А пытаться воспользоваться надо. И как можно скорее.

«Вот оно что, — подумала Катя, — вот для чего Никита отправил меня сюда».

— Что ж, я попробую с ней поговорить, — сказала она Трубникову. — Только сначала нам надо встретиться с ее отцом. Нет, лучше с матерью.

— У Полины матери нет. Умерла давно от рака. Чибисов с тех пор и не женился. Не хотел мачеху дочери брать. У них дома сейчас из женщин домработница живет да секретарша Чибисова — некая Елизавета Кустанаева. Только с ней, я думаю, разговаривать насчет Полины не стоит.

— Почему?

— Да так. Мое это личное мнение. Не очень-то ладили они меж собой. Чибисов-то Елизавету в любовницах содержит. Ну а какой дочери понравится, когда отцом красотка молодая верховодит? Да потом еще кое-что между ними было... Так что секретарша вам установить нужный доверительный контакт с Полиной вряд ли поможет.

Катя открыла дверь машины.

— Поехали к этим Чибисовым, Николай Христофорович, — сказала она. — Там будет видно.

Глава 4

СЛАВЯНЕ

Больше всего на свете Елизавета Кустанаева, которую те, кто знал ее близко, чаще звали Лисой, чем Лизой, ненавидела беспорядок. Любой — в делах, в вещах, в отношениях между людьми. Когда неожиданно и коварно глохла машина на пустой дороге, когда из облэнерго поступали не учтенные бизнес-сметой счета за перерасход электричества в теплицах, когда с треском отлетала застёжка у любимого французского бюстгальтера, когда человек, на которого было потрачено пять лет собственной жизни, в одно прекрасное утро объявлял: «Я от тебя ухожу».

Вот и сейчас привычный уклад в доме, который Лиса давно уже считала почти своим, не просто нарушился, а был буквально взорван, так что осколки его разлетелись по холлу, зимнему саду, гостиной и спальням, ранив всех без исключения домашних жестоко и страшно.

— До каких же пор я должен сидеть вот так, сложа руки?! Надо же что-то делать. Я ведь должен хоть как-то помочь ей, моей девочке...

Крик души. Вопль мужского нутра, взвинченного алко-голем, — Лиса брезгливо прислушалась — начинается... Она курила на открытой веранде второго этажа особняка Чибисова. А сам хозяин дома Михаил Петрович находился внизу в гостиной вместе с настоятелем славянолужского храма отцом Феоктистом и Иваном Пантелеевичем Кошкиным, которого, несмотря на его преклонный возраст и большое сердце, агрофирма «Славянка» держала в своих штатах в качестве ведущего специалиста по сельхозкультурам.

Отец Феоктист и Кошкин вот уже второй день неотлучно находились при Чибисове в качестве самых близких и доверенных советников в главном вопросе текущего момента — что делать?

— Я так больше не могу, нервы не выдерживают. Я пойду к ней, сейчас пойду... Как же мы оставили, бросили ее там одну?

Лиса Кустанаева снова услышала голос Михаила Петро-

вича — полный отчаяния и гнева, он потряс особняк от фундамента до черепичной крыши. Она вздохнула, поморщилась. Эх, Миша, Миша... Только ты и можешь, оказывается, реветь вот так от бессилия и выпитой водки. Второй день только и делаешь, что реवेशь, да пьешь, да звонишь в Москву и Тулу своим адвокатам, да задаешь отцу Феоктисту бессмысленные риторические вопросы...

— Михаил Петрович, сядьте. Я прошу вас — сядьте, успокойтесь. Нельзя же так, в конце концов! Будьте же мужчиной.

Это там, внизу, в гостиной громко и веско произнес отец Феоктист. Он был из бывших флотских офицеров. И порой браво капитан второго ранга брал в нем верх над смиренным служителем церкви.

— Отец, дорогой мой, уважаемый батюшка, вы вот каждое воскресенье проповеди народу читаете... Так скажите мне, ответьте — за что это все нам? Вот это? Ребенку моему единственному — Полине? За что? За какие такие грехи?

Лиса Кустанаева, курившая наверху, уловила в громоподобном голосе Чибисова явный вызов. В гостиной зрел духовный бунт.

— Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью, ибо страдающий за нас плотию перестает грешить, — ответил отец Феоктист. — Пути господя неисповедимы. Бывает, что наши грехи, грехи взрослых, искупают за нас наши дети.

— И это, по-вашему, справедливо? — спросил Чибисов.

— Вопрос не в том, что нашей нравственно несовершенной человеческой природе кажется или не кажется справедливым. Вопрос в том, что думает о нас, наших грехах, нашей расплате за них и нашем покаянии господь наш.

— Поговорили бы вы так лет двадцать назад, отец Феоктист, — услышала Лиса Кустанаева скрипучий старческий голос Кошкина, — живо бы вас командование Северного флота на ковер вызвало и погоны долой.

— Какой-то подонок жизнь мою под откос в один миг пустил — убил моего зятя, надругался над моей дочерью единственной. Довел ее до того, что девочка рассудка почти лишилась, а вы говорите мне о том, что думает об этом бог! —

воскликнул Чибисов. — Да где он, бог-то? Я ему месяц назад колокола в церковь повесил. Семнадцать тысяч долларов с одного литья только, между прочим, не считая установки на колокольню. А он мне за это — ЭТО вот?! Да что вы мне о покаянии лапшу на уши вешаете? В чем мне каяться? В том, что я вкалываю как проклятый? Что вот этими руками все себе заработал — дом, капитал, дело свое? В том, что жены лишился, Поинка у меня на руках сиротой осталась? В том, что всю округу, земляков своих работой, зарплатой обеспечиваю, кормлю-пою, от водки загнуться не даю как другим? Моя жизнь — вот она, как на ладони. — Голос Михаила Петровича патетически звенел. — В чем виноват я, не отрицаю — ну, за воротник залью в компании когда лишнее, охоту люблю по осени, выражаюсь не всегда литературно-культурно. Так я ж мужик. На земле вырос, с землей всю жизнь дело имел. На земле и умру, где-нибудь в поле. Упаду как заезженный конь в борозду...

— Когда был цел Советский Союз, — Лиса Кустанаева снова услышала голос Кошкина, — таких вещей и в проекте быть не могло. Насчет убийств тогда строго дело было. Чуть что — расстрел. А сейчас? Ну, поймают его, этого сукиного сына, и, думаете, расстреляют? Нет, в тюрьму посадят. Кормить будут, стеречь, дерьмо за ним убирать лет этак еще двадцать. А его б не в тюрьму надо, а под трактор сразу гусеничный, под асфальтоукладчик. Чтобы только мокрое место одно осталось.

— Елизавета Максимовна, я пришла вам сказать... Она, кажется, проснулась. Глаза открыла. Я спросила, как она себя чувствует, но она ничего не ответила. Молчит...

Лиса обернулась: перед ней стояла медсестра Вера, которую Чибисов еще вчера утром привез из районной больницы, чтобы она неотлучно находилась при Полине. Лиса была категорически против этого. По ее мнению, Полину надо было сразу же поместить в хорошую частную клинику в Москве. Но Чибисов воспротивился.

— Хорошо, спасибо. Идите к ней. Может быть, ей что-то понадобится, — сказала она медсестре. — Она так ничего и не ела?

— Нет.

— А платье... Вы наконец забрали его?

— Нет, я не смогла.

— Я же вас просила, Вера, — Лиса Кустанаева повысила голос. — Платье у нее необходимо забрать. Следовательно настоятельно просил, чтобы мы его сохранили. Там могут быть следы...

— Но она не дает. Что я могу сделать? Силой отнимать? Она вцепилась в него чуть ли не зубами, когда я попыталась взять его, — жалобно возразила медсестра. — Не психиатричку же нам вызывать со смирительной рубашкой. Это и не платье уже — просто тряпка грязная, окровавленная, но Полина ее не дает никому. Настаивать, отбирать насильно — значит, только еще больше навредить.

Кустанаева щелкнула зажигалкой, закурила новую сигарету.

— Насчет психиатрички — это дельная мысль, — сказала она. — Ну, что же вы стоите? Возвращайтесь к ней. Я сейчас спущусь к Михаилу Петровичу, скажу ему.

Медсестра покорно заковыляла прочь. Она была маленькой и рыхлой. Сын ее работал техником в агрофирме «Славянка», а сама она знала Чибисова, когда он был еще директором совхоза, и несколько лет состояла приходящей сиделкой при его больной жене.

«Они все здесь такие, — подумала Лиса, — все с одной грядки. Свои. А я здесь не своя. Чужая всем. И черт меня дернул заехать в эту дыру?»

Кустанаева начала работать у Чибисова два года назад. Встретились они совершенно случайно, однако случайность эта обернулась для обоих далеко идущими последствиями. До Чибисова жизнь Лисы Кустанаевой определяли глобально двое мужчин — сверстник-муж, с которым они были женаты с четвертого курса финансового института, и пожилой работодатель-любовник — непосредственный начальник мужа, к которому опять же не кто иной, как этот самый муж, и устроил Лису личным секретарем. Все трое работали в банке «Столичный кредит» в Москве. Жизнь шла своим чередом и даже радовала разнообразием, а затем вдруг показала волчий оскал. Сверстник-муж завел роман на стороне с восемнадцатилетней студенткой и однажды за завтраком изрек

очень спокойно и просто: «Я от тебя ухожу, Лиса, совсем. Так получилось, извини. Надо обговорить, как нам лучше разбегаться — менять эту квартиру или продавать?»

А пожилого работодателя, на которого Лиса сразу же после крушения семейного очага возложила все свои надежды, буквально через неделю застрелили в его собственном подъезде. По этой причине банк «Столичный кредит» лопнул, и Лиса в одночасье лишилась и богатого любовника, и престижной работы, и хорошей зарплаты, и любящего мужа, и квартиры.

К счастью, при ней осталось самое главное — ее внешность. Лиса всегда по праву гордилась своей стройной высокой фигурой. Длинные ноги, роскошные рыжие волосы, атласная кожа, задумчивые загадочные серо-голубые глаза были истинными козырями в новой игре, что навязывала ей судьба. Чибисов, как он простодушно признался впоследствии, обратил на нее внимание именно из-за ее внешности, а уж только потом оценил и ее деловую хватку.

С банком «Столичный кредит» агрофирма «Славянка» поддерживала деловые связи, а близкий друг Чибисова Антон Анатольевич Хвощев даже одно время входил в совет директоров банка. Он и познакомил Кустанаеву и Чибисова на похоронах застреленного банкира.

— Я слышал от покойного много теплых слов в ваш адрес, Лиза, — сказал Чибисов, когда они возвращались в машине с поминального банкета. — Вы очень красивая женщина... Я даже не ожидал. Где вы намерены работать?

— Не знаю, — честно призналась Лиса. — В банке введено внешнее управление, через пару недель нас всех уволят.

— Я на днях лечу на Кипр, в Ларнаку, — сказал Чибисов. — Союз агропромышленников проводит там симпозиум. Мне нужен секретарь, желательно со знанием английского. Я по-дурацки чувствую себя за границей, Лиза. Просто робею, честное слово. А в результате за все всегда переплачиваю пропасть денег... А я слышал, вы недавно с мужем развелись?

В Ларнаку в пятизвездочный отель, где проводился симпозиум, они поехали вместе. Лиса не удивилась, когда оказалось, что Чибисов заказал только один номер — шикарный

люкс с джакузи. С Кипра все и началось. А потом оказалось, что быть подле Чибисова в качестве эскорт-секретаря нужно не в Москве, а в ста семидесяти километрах от нее — в Славянолужье. Это стало для Лисы неприятным сюрпризом. Однако, взглянув под правильным углом зрения на особняк на берегу реки Славянки, на гараж Чибисова, на его машины, на его офис, на его лошадей, на его мебель, на спутниковую антенну, теплицы, поля, оранжереи и завод комбикормов, Лиса решила быть благоразумной. Что, в сущности, такое сто семьдесят километров от Тверской и Кутузовского, когда Чибисов и его старый друг Антон Хвощев приобрели на паях спортивный самолет?

К большому несчастью, самолет вскоре разбился, искалечив Хвощева. Но ведь все остальное было целым и невредимым. Ситуация осложнялась лишь тем, что у Чибисова имелаась взрослая дочь Полина. Но Лиса мудро полагала, что с ее замужеством кое-какие проблемы их взаимоотношений рассосутся сами собой.

Но то, что произошло в ночь Полининой свадьбы, разбило все ее надежды. В доме воцарился полный хаос — безобразный и всепоглощающий. И бороться с ним у Лисы не было сил.

Она настороженно прислушалась — мужские голоса по-прежнему вразной гудели внизу:

— Я вот сейчас в приемную позвоню областному прокурору, нет, лучше в приемную губернатора... Где телефон? Он только что тут, на диване был?

— В некоторые моменты нет ничего действеннее и сильнее, чем искренняя молитва. Надо открыть свое сердце, очистить его...

— Все, все зло сейчас от Америки. Это янки нас специально развращают. По телевизору сплошь мордобой, драки, уголовники сплошные. Да виданное ли дело, чтобы раньше в Советском-то Союзе половые акты открыто на экране показывали? Вот люди и бесятся от этого, как звери друг на друга кидаются — убивают, насилюют...

Лиса почувствовала, что еще минута, и ее, возможно, стошнит. От всего этого словоблудия и от четвертой подряд сигареты натошак. Ей захотелось топнуть ногой и крикнуть

им туда, вниз: хватит, заткнитесь! И она уже готова была спуститься и наговорить им резкостей, но...

Ее отвлек шум за воротами. С веранды второго этажа было видно, что у дома остановились красные «Жигули». Из них вышел долговязый человек в милицейской форме, направился прямо к калитке и позвонил. В этом человеке Кустанаева узнала участкового Трубникова. Он приехал не один. За рулем красного «жигулька» был кто-то еще. Но, к досаде своей, разглядеть со своего балкона, кого это несет нелегкая в столь неурочное время, Лиса не могла.

Слаянолужье было местом живописным, но дорожные красоты не трогали Катю. Сил ее еле-еле хватало, чтобы крутить руль и не подавать вида, что она вот-вот малодушно готова его бросить. А Трубников словно и ничего не замечал. Для него лишние десять километров по району были просто парой пустыков. Катя уже изнемогала. С языка ее то и дело срывалось жалобное: «А скоро мы приедем? А долго еще?» На что Трубников снисходительно отвечал: «Скоро, скоро, маленько еще осталось».

Дом Чибисовых был виден издалека. Стоял он на высоком обрывистом берегу реки Славянки в зеленой роще, где не было высоких деревьев, а только молодая поросль рябин, кленов, орешника да жимолости. Дом стоял на отшибе, в горделивом одиночестве почти в трех километрах от поселка, название которого Катя, проезжая мимо, так и не запомнила. По словам Трубникова, старожилов в поселке оставалось всего ничего, а в основном обитали дачники.

Дом был новый, добротный, краснокирпичный, двухэтажный. С фигурной, крытой настоящей черепицей крышей, стильными рамами под мореный дуб и высоким бетонным забором, выкрашенным красной охрой и затянутым сверху колючей проволокой. Забор огораживал участок в полтора гектара, на котором располагалось множество разных полезных строений: гараж, баня-сауна, тренажерный зал, летняя крытая беседка и конюшня. Все это Катя разглядела, когда их с Трубниковым после звонка в калитку впустили внутрь. Участок был ухожен, в цветниках царил образ-

цовый порядок, дорожка, выложенная плиткой, была чисто подметена.

Удивило Катю полное отсутствие охраны. Вместо тяжелоатлета-привратника калитку им отпер какой-то старичок — сухонький и интеллигентный, в больших роговых очках. Трубников дружески с ним поздоровался, представив Кате как Ивана Пантелеевича Кошкина. Кто был этот Кошкин и кем он доводился дому Чибисовых, Катя в этот первый раз так и не усвоила.

Кошкин, семена старческой походкой, повел их мимо тренажерного зала и гаража к дому. На ступеньках большой стеклянной террасы, оборудованной под зимний сад, их встретила молодая женщина. Катя оценила ее моментально: около тридцати, выглядит примерно на свой возраст. Спортивная, стильная, рыжая, как лисица. С великолепными густыми волосами, небрежно подколотыми на затылке изящной заколкой от Диора. Золотистый загар, ухоженное тонкое, слегка подкрашенное лицо, гибкая высокая фигура и отличные манеры. При этом крайняя простота в одежде: белые джинсы, льняная рубашка цвета сливок, кокетливо застегнутая лишь на две пуговики, и босые ступни с безукоризненным педикюром.

Такой Катя впервые увидела Елизавету Кустанаеву и сразу решила, что перед ней жена Чибисова, потому что Кустанаева выглядела точь-в-точь как жена богатого человека. Но потом Катя вспомнила, что Чибисов — вдовец, и поняла, что и догадка Трубникова о том, что эта рыжая дива не только личный секретарь, но и любовница хозяина дома, скорее всего, заслуживает полного доверия.

— Мы к вам, Елизавета Максимовна, — сказал Трубников, вежливо здороваясь. — Это вот сотрудник из областного управления нашего — Екатерина Сергеевна, специалист-психолог по таким делам... — Катя чувствовала, что Трубников в крайнем замешательстве. — С Полиной поговорить необходимо. Так начальство наше Екатерину Сергеевну сюда и прислало. Следователь прокуратуры результатов беседы ждет. Потом сам либо сюда к вам приедет, либо повесткой вызовет. Полину-то допросить обязательно нужно... Ну, как она, лучше?

— По-прежнему, — сухо ответила Кустанаева, пристально изучая Катю, — ни с кем не говорит. На вопросы наши не отвечает. И видеть никого не хочет. С ней только медсестра.

— Плохо дело, — Трубников покачал головой. — Бедная... И все же попытаться мы с Екатериной Сергеевной должны.

— Да я лично не против, — Кустанаева пожала плечами. — Я понимаю, что это в интересах расследования. И адвокат Михаила Петровича говорит, что чем раньше освидетельствуют ее, тем для дела лучше, так как она и свидетель и потерпевшая. Только вряд ли у вас что-то выйдет, господа, — она повернулась к Кате: — Михаил Петрович не позволит. А Полина видеть никого не желает. Даже нас, близких.

— Я могу поговорить с Михаилом Петровичем? — спросила Катя.

Кустанаева смерила ее холодным взглядом.

— Конечно, можете. Одну минуту, я его позову.

Легко ступая, она скрылась в недрах дома. Катя и Трубников остались на террасе. Этот доморощенный зимний сад не понравился Кате. Растений было слишком много, они только мешали друг другу, и всем им не хватало солнца, потому что по чьей-то прихоти или недосмотру терраса смотрела всеми своими окнами строго на север. Над скудно цветущими бегониями кружила оса. Ее жужжание было, казалось, единственным звуком, нарушавшим тишину этого большого чужого дома. И вдруг Катя услышала шум. Он донесся сверху, как будто над террасой кто-то двигал, переставлял мебель. Потом все стихло.

— Так кто, вы говорили, кроме Чибисова и Полины, живет в доме постоянно? — шепотом спросила Катя у Трубникова.

— Домработница у них есть, Клавдия, наша местная, из Журавки. Вдова, сын в Чечне погиб в девяносто четвертом. Чибисов взял ее к себе в дом, она у них как своя, — ответил Трубников, — на ней и дом весь держится. И эта вот Лизка рыжая. Лихая девица — джип чибисовский водит — гоняет так, что аж пыль столбом, да и в дела фирмы вникает скрупулезно. Чибисова потихоньку к рукам прибрала.

— Что же она — в сельском хозяйстве смыслит?

— Все смыслит, что надо, что доход дает. Я и сам сначала удивлялся, но факты вещь упрямая.

— Вы хотели меня видеть? Здравствуй, Николай Христофорыч. Что скажешь мне, как отцу? Задержали вы уже кого-нибудь или нет? — Голос, прозвучавший из глубины дома, был громким, явно подогретым алкоголем. Через секунду Катя увидела и его обладателя. Михаил Петрович Чибисов вышел в свой сумрачный зимний сад под сень фикусов и пальм.

Катя увидела перед собой коренастого, широкоплечего пятидесятилетнего мужчину с седеющими волосами и красным от загара лицом, иссеченным глубокими резкими морщинами. На Чибисове была несвежая белая рубашка с засученными рукавами, новые спортивные штаны «Пума» и домашние тапочки «Хьюго Босс». И этот наряд совершенно не вязался с отчаянным и одновременно гневно-беспомощным выражением его лица. Спортивные штаны и дорогие тапочки вроде бы свидетельствовали о том, что их обладатель коротал время у горящего камина с газетой, а мятая рубашка, всклокоченные волосы и лихорадочно блестящие глаза, полные тревоги и ожидания, красноречиво говорили о жестокой бессоннице и неурочных зловещих телефонных звонках.

— Сроду я вас, Михаил Петрович, не обманывал, — ответил Трубников. — Сейчас тем более совесть не позволит. Никого мы пока не задержали. Некого задерживать, потому как зацепки пока никакой. Эксперты, следовательно, розыск работают... Но без показаний дочери вашей, Полины Михайловны, трудно пока обходиться. Вот сотрудника специально из ГУВД прислали, чтобы она попыталась поговорить с Полиной, — Трубников кивнул на Катю. — Может, отошла она немного, что-то вспомнит, скажет. Для нас сейчас любая информация на вес золота.

Голос участкового журчал, как ручей. С главой агрофирмы «Славянка» Трубников знаком был очень давно. Чибисов, слушая, смотрел только на участкового, и казалось, даже не замечал «сотрудника из ГУВД». Неожиданно он всхлипнул, с силой ударил себя кулаком в грудь и отвернулся к окну.

— Оставьте вы нас в покое, раз сделать ничего не можете, — донеслось до Кати его глухое рычание. — Христофорыч, уйди... я тебя как человека прошу...

— Михаил Петрович, но так же нельзя, — тихо сказала Катя. Ей стало Чибисова страшно жаль и оттого, что он плакал вот так, у них на глазах, не скрываясь, и оттого, что гнал их, и оттого, что ждал от них помощи в своем горе. А они пока помочь не могли. — Пожалуйста, разрешите мне поговорить с вашей дочерью.

Чибисов обернулся к ней, явно собираясь послать и ее и Трубникова далеко-далеко, как вдруг...

Наверху послышался шум. Громкие возгласы. Кто-то стучал в дверь, истошно крича: «Полина, открой! Полина, что происходит?!» А затем Катя услышала тревожный крик Кустанаевой, призывавшей подняться наверх какого-то «отца Феоктиста». Чибисов, более не обращая на них с Трубниковым внимания, рванулся к лестнице на второй этаж. Участковый, не задумываясь, последовал за ним, увлекая за собой и Катю. По тому, как кричали наверху женщины, было ясно: в доме случилось что-то ужасное.

— Полина, прошу тебя, не дури, открой дверь! — гудел наверху чей-то бас. — Полина, девочка, да что же это такое?

Лестница была винтовой и высокой — у Кати даже голова закружилась. На втором этаже лестница упиралась в просторный холл, куда выходили двери сразу нескольких комнат. Перед самой дальней дверью Катя увидела Кустанаеву, маленькую толстую медсестру и высокого священника в темно-коричневой рясе, подпоясанной широким кожаным ремнем. Это и был отец Феоктист. Он гулко барабанил в дверь кулаком, а затем, обернувшись к побледневшему Чибисову, прошептал: «Миша, надо высаживать. Бог знает, что может случиться...»

Чибисов так и налетел на перепуганную медсестру.

— Не знаю, ничего не знаю, Михал Петрович, — залепетала та. — Она все на кровати лежала... Потом вроде задремала, потом проснулась и говорит: «Мне в душ надо, тетя Вера». Ну, я вышла. Чтобы халат ей и полотенца принести чистые. Возвращаюсь, а она дверь изнутри закрыла и голоса не подает.

— Она что-то рвет там, — шепнула Кустанаева Чибисову. — Я треск ткани слышала.

— Полина, дочка, открой мне! — не своим голосом закричал Чибисов. — Доченька моя!

В ответ за дверью что-то грохнулось об пол.

— Миша, посторонись. Николай Христофорович, помоги мне. Ну-ка с богом!

Отец Феоктист и участковый Трубников с разбега ударили в дверь точно два пушечных ядра. Дверь затрещала, они поднажали и с шумом высадили раму. То, что Катя увидела за дверью, она потом долго не могла забыть.

На самую середину комнаты, а это была светлая, уютная полуспальня-полукабинет с широкой кроватью, туалетным столиком, заставленным косметикой, с традиционным компьютером у окна и стенами, украшенными яркими эстампами в стиле панк-рок, был передвинут явно с летней веранды стол-подставка для цветов. Сами цветы — пышные голубые гортензии в кашпо из ротанга — были варварски сброшены на пол. Земля из разбитых горшков высыпалась, пачкая узорный шерстяной ковер. На столе, балансируя, стояла девушка в батистовой пижаме в трогательный розовый горошек — бледненькая, веснушчатая, темноволосая. Обеими руками она цеплялась за связанную из каких-то грязно белых матерчатых полос совершенно немыслимую веревку, прицепленную к хрустальной люстре. Петля этой странной веревки обвивала шею девушки.

— Уходите отсюда! Все уходите! — кричала она. — Я все равно это сделаю, я решила! Это все из-за меня, я этого хотела... Я так сильно хотела, чтобы он умер!

Она пошатнулась, теряя равновесие, стол-подставка под ее тяжестью предательски затрещал, веревка натянулась, петля заскользила, и казалось, еще секунда, и случится непоправимое...

— Полина! — Чибисов бросился к ней, но...

— Не подходите ко мне... Папа, стой, иначе я...

То, что она спрыгнет — в это мгновение Катя в этом даже не сомневалась. Это было видно по ее глазам. А на то, что нелепая веревка оборвется или люстра не выдержит, шансов было мало.

— Полина, не смей, прекрати, — резко, зло сказала Катя, стараясь, чтобы голос ее — голос чужого, незнакомого де-вушке человека прозвучал в этой куче-мале насмерть перепу-

ганных домашних как можно громче. — Повеситься — это гадко, тошнотворно для женщины...

Она поймала взгляд Полины — в затуманенных ее зрачках что-то мелькнуло.

— Будешь после смерти синяя, страшная. Язык вывалится, распухнет, глаза остекленеют. До тебя не только дотронуться — смотреть противно будет...

Полина быстро вскинула руки к шее и вцепилась в петлю. В это мгновение к ней кинулся, шурша рясой, отец Феоктист. Подхватил девушку под колени, крикнув Кустанаевой:

— Лиза, ножницы и стремянку, быстро!

Через минуту в комнате появилась стремянка. Кустанаева ловко вскарабкалась к самой люстре и ножницами срезала веревку. Отец Феоктист держал Полину на руках. Голова девушки безвольно упала ему на плечо.

— Вызывайте «Скорую», — сказала Катя Чибисову — тот ошеломленно кивнул. — Ей успокоительное нужно. Куда же вы? Вот телефон.

Телефонная трубка валялась на кровати, но Чибисов словно не видел ее. Он был как слепой. Отец Феоктист осторожно понес Полину вниз, в гостиную. Кустанаева по мобильному вызвала врачей. Участковый Трубников поднял с пола веревку.

— Платье на полоски разорвала и связала — надо же... Платье подвенечное. Которое следовательно у нее никак изъять не мог. Не давала, — сказал он, аккуратно сворачивая веревку, ища, во что бы ее упаковать как вещдок.

— Господи, за что мне все это, — прошептал Чибисов. — И это еще...

Катя вместе с участковым спустилась в зимний сад. Ничего теперь не оставалось, как терпеливо ждать «Скорую». Когда прибыли врачи, Трубников, приватно переговорив с отцом Феоктистом, кивнул Кате — мол, на сегодня все. Баста.

Это было ясно и так: допросить главного свидетеля, то есть выполнить то, основное, за чем, собственно, ее и послали в Славянолужье, Кате не удалось.

— Девчонка-то что-то чудное крикнула, слышали? — тихо сказал Трубников, когда они шли по дорожке к калит-